

Станислав Игоревич Соболев

адвокат, слушатель Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, преподаватель-исследователь (Уральский государственный юридический университет)

Препарирование института субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника

Федеральным законом от 28.12.2016 № 488-ФЗ статья 3 Закона об ООО была дополнена нормой (п. 3.1), которая допускает привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в случаях, когда он был исключен из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо.

Лаконичность этой нормы вызывает множество вопросов, начиная с процессуальных (подведомственность и подсудность таких требований) и заканчивая вопросами материального права (действие закона во времени, юридический состав субсидиарной ответственности, исковая давность). Также неясно соотношение данной субсидиарной ответственности с аналогичным институтом, содержащимся в Законе о банкротстве. Автор исследует норму с опорой на судебную практику и представляет свой взгляд на проблему.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, административная ликвидация

1. Введение

Параллельно с существующим порядком ликвидации общества с ограниченной ответственностью, осуществляемой по инициативе его участников или суда, за-

конодателем был также предусмотрен механизм, в рамках которого допускается исключение юридического лица из ЕГРЮЛ по инициативе налогового органа, если оно фактически прекратило свою деятельность (недействующее юридическое лицо)¹.

Так, п. 1 ст. 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее также — Закон о регистрации) предусмотрено, что юридическое лицо может быть исключено из реестра, если (1) в течение последних 12 месяцев оно не сдавало отчетность, а также (2) не совершило ни одной операции хотя бы по одному банковскому счету. Кроме того, такой порядок применяется при отсутствии денежных средств, достаточных для проведения процедуры ликвидации, и если в ЕГРЮЛ имеется запись, в отношении которой внесены сведения о ее недостоверности в течение более чем шести месяцев с момента внесения такой записи (п. 5 ст. 21.1 Закона о регистрации юридических лиц).

Такая ликвидация, которую далее мы будем называть административной, поскольку она осуществляется по инициативе публичного несудебного органа, производится в следующем порядке:

- принятие решения о предстоящем исключении юридического лица из ЕГРЮЛ;
- публикация в «Вестнике государственной регистрации» (в течение 3 дней) решения о предстоящем исключении юридического лица и сведений о порядке и сроках направления мотивированных возражений;
- возможность направления самим юридическим лицом и кредиторами возражений в течение 3 месяцев со дня опубликования решения о предстоящем исключении;
- при отсутствии мотивированных возражений — принятие решения о ликвидации.

Законодатель, по-видимому, имея цель защитить интересы кредиторов прекратившего свое существование субъекта права, предусмотрел в Федеральном законе от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее также — Закон об ООО) норму, которая легитимирует возможность привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (п. 3.1 ст. 3):

«...исключение общества из ЕГРЮЛ в порядке, установленном Законом о государственной регистрации, влечет последствия, предусмотренные ГК РФ для отказа основного должника от исполнения обязательства. В данном случае, если неисполнение обязательств общества (в том числе вследствие причинения вреда) обусловлено тем, что лица, указанные в п. 1–3 ст. 53.1 ГК РФ, действовали недобросовестно или неразумно, по заявлению кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества».

---

¹ Такую характеристику недействующего юридического лица можно обнаружить в постановлении КС РФ от 06.12.2011 № 26-П (абз. 43, 44, 48; здесь и далее указание на абзац означает ссылку по СПС «КонсультантПлюс»).

При кажущейся простоте и транспарентности указанной нормы, которая наделила кредиторов возможностью привлечь контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, при более внимательном рассмотрении можно обнаружить множество вопросов, касающихся ее применения на практике.

Само место, которое предоставил данной норме законодатель, заставляет задуматься о том, какая совокупность условий необходима для привлечения лица к ответственности по данному основанию. Почему соответствующие положения содержатся только в Законе об ООО, но не в нормах банкротного права?

2. Фактический состав для привлечения к субсидиарной ответственности

2.1. Общие положения

Субсидиарная ответственность в гражданском праве по общему правилу возникает в силу самого факта принятия на себя дополнительного (по отношению к основному должнику) обязательства, когда она установлена законом или договором между сторонами (ст. 399 ГК РФ): таково классическое понимание субсидиарной ответственности по отношению к простому обязательству. Иными словами, субсидиарная ответственность в контексте ст. 399 ГК РФ носит «автоматический» характер и возникает, когда основной должник отказывается исполнить принятое на себя обязательство². Юридическим фактом, порождающим обязанность субсидиарного должника исполнить обязательство, является отказ основного должника от такого исполнения: какой-либо противоправности в действиях лица, отвечающего субсидиарно, не требуется³.

Ты отвечаешь не потому, что сделал что-то не так по отношению к кредитору (твое поведение игнорируется правопорядком), а поскольку ты сам сказал, что будешь отвечать за другое лицо, либо аналогичная обязанность вменяется тебе законом. Основанием ответственности в данном случае будут действия основного должника, который отказался исполнить принятое на себя обязательство. Такую конструкцию субсидиарной ответственности в гражданском праве можно обнаружить при кумулятивном переводе долга (п. 3 ст. 391 ГК РФ), поручительстве (п. 1 ст. 363 ГК РФ), ответственности членов потребительского кооператива (п. 2 ст. 123.3 ГК РФ), участников полного товарищества (п. 1 ст. 75 ГК РФ) и т.д.

² Следует отметить, что в ряде случаев законодатель предусмотрел дополнительные основания для возложения субсидиарной ответственности: ответственность основного хозяйственного общества по долгам дочернего общества, ответственность учредителя учреждения. См.: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017. С. 693–694 (автор комментария к ст. 399 ГК РФ — В.В. Байбак).

³ В данном случае мыслимо говорить о том, что противоправным является сам отказ субсидиарного должника от исполнения обязательства. Однако мы имеем в виду лишь то, что такой субсидиарный должник не совершает собственный самостоятельный деликт.

Н.В. Тололаева в своей диссертации, помимо прочего, рассматривала вопросы соотношения солидарных, совместных и субсидиарных обязательств, а также их различие с долевыми. Она приходит к выводу, что классификация долевыми и солидарных обязательств, с одной стороны, и долевыми и субсидиарных — с другой, осуществлена по разным критериям, хотя из текста ГК РФ может показаться, что у них одно основание деления⁴. Автор указывает, что «долевые обязательства противопоставляются солидарным по размеру требованиям кредитора (в соответствующей доле либо в целом). Субсидиарные обязательства отличаются от солидарных по порядку предъявления требования (сначала к основному должнику либо сразу к любому из должников по желанию кредитора)»⁵.

Таким образом, по мнению Н.В. Тололаевой, «субсидиарные обязательства также не представляют собой самостоятельной формы множественности и включаются в объем понятия «солидарные обязательства»⁶.

Приведенные автором аргументы позволяют говорить о том, что классическая субсидиарная ответственность уже изначально заложена в модель солидарного обязательства (как и долевого) и вопреки названию представляет собой *schuld*, а не *haftung*⁷.

В свою очередь, можно говорить о существовании иной (значительно отличающейся) субсидиарной ответственности, предусмотренной для контролирующих должника лиц, которая нормирована в законодательстве о банкротстве. В литературе отмечается, что эта субсидиарная ответственность (по крайней мере тот ее вид, который возникает за неполное погашение требований кредиторов) представляет собой деликт и могла бы быть заменена институтом взыскания убытков при банкротстве⁸.

Не останавливаясь на удачности и точности формулировок, мы тем не менее не можем не признать, что такая ответственность возникает не в силу отказа основного должника от исполнения обязательства, а вследствие совершения контролирующими лицами собственных противоправных действий. В отличие от ст. 399 ГК РФ, понимаемой в традиционном смысле, основанием ответственности в данном случае выступают собственные действия субсидиарного должника, а не поведение основного. Кроме того, по-иному определяется и объем ответственности (см. ниже).

---

⁴ См.: Тололаева Н.В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 123–151.

⁵ Там же. С. 148.

⁶ Там же. С. 149.

⁷ Разграничение данных понятий см.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 236–244.

⁸ Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1. Абз. 349. См. также: Они же. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративной вуали // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 20–65.

Новое упоминание субсидиарной ответственности, появившееся в п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, заставляет нас поднять вопрос и о его квалификации, несмотря на то что ответ на него *prima facie* кажется очевидным. С одной стороны, первое предложение этого пункта говорит о том, что исключение юридического лица из ЕГРЮЛ «влечет последствия, предусмотренные ГК РФ для отказа основного должника от исполнения обязательства» (здесь и далее в цитатах курсив наш. — С.С.). Прослеживается очевидная коннотация со ст. 399 ГК РФ, или «автоматической» субсидиарной ответственностью. И в этом смысле можно было бы предположить, что законодателем был создан новый случай ответственности, возникающий из-за самого факта неплатежа основного должника, а точнее, его отказа в исполнении обязательства.

С другой стороны, второе предложение п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО говорит о том, что лицо *может быть* привлечено к субсидиарной ответственности, *если* оно «действовало *недобросовестно или неразумно*». В данном случае, во-первых, можно заметить иную (вероятностную) модальность субсидиарной ответственности, а во-вторых, дополнительные основания в виде недобросовестных (неразумных) действий для возложения на лицо субсидиарной ответственности.

Мы придерживаемся того взгляда, что в п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО не имелась в виду «автоматическая» субсидиарная ответственность, а первое предложение данного пункта сформулировано не вполне удачно, предлагая в качестве возможной квалификацию требования субсидиарной ответственности, возникающей лишь в силу отказа основного должника (исключенного из ЕГРЮЛ юридического лица) от исполнения обязательства.

Однако такой неудачный подход законодателя привел к тому, что суды в большом числе случаев ссылаются на ст. 399 ГК и цитируют ее, хотя она к таким делам по большому счету не имеет никакого отношения⁹. Кажется, что эти два вида субсидиарной ответственности в силу разности своего существа не могут именоваться одним термином и субсидиарная ответственность для банкротного права не должна охватываться диспозицией ст. 399 ГК РФ. Но законодатель пошел по иному пути (сохранение одного термина), а для сглаживания углов в рамках реформы гражданского законодательства указанная норма была дополнена п. 4, согласно которому ст. 399 ГК РФ применяется, поскольку «иными законами не установлен другой порядок привлечения к субсидиарной ответственности».

Определившись с деликтным характером субсидиарной ответственности по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, мы тем не менее должны понять, что входит в состав недобросовестных или неразумных действий: достаточно ли того, что из-за недобро-

⁹ См.: постановления АС Волго-Вятского округа от 03.12.2019 по делу № А11-15255/2018; АС Восточно-Сибирского округа от 06.05.2019 по делу № А33-16563/2018, от 15.05.2019 по делу № А78-476/2018; АС Дальневосточного округа от 16.05.2019 по делу № А59-4287/2018, от 14.11.2019 по делу № А16-410/2019, от 29.10.2019 по делу № А16-412/2019; АС Западно-Сибирского округа от 11.07.2019 по делу № А75-12492/2018; АС Московского округа от 05.02.2020 по делу № А40-99462/2019, от 01.08.2019 по делу № А40-301417/2018, от 06.08.2018 по делу № А40-249367/2017; АС Поволжского округа от 01.11.2018 по делу № А65-9284/2018; АС Северо-Западного округа от 03.03.2020 по делу № А56-33330/2019, от 06.02.2020 по делу № А56-46545/2019; АС Северо-Кавказского округа от 04.03.2020 по делу № А53-2504/2019, от 14.02.2020 по делу № А63-4221/2019, от 05.02.2020 по делу № А63-6891/2019, от 02.12.2019 по делу № А53-1839/2019, от 01.10.2019 по делу № А63-24501/2018, от 02.08.2019 по делу № А53-32681/2018; АС Уральского округа от 05.12.2019 по делу № А50-37422/2018, от 23.07.2019 по делу № А60-20369/2018.

совестных действий контролирующего лица должник был исключен из ЕГРЮЛ¹⁰ и, как следствие, стало невозможным исполнение требования кредитора за счет имущества такого должника, или необходимо доказывать, что у должника имелось имущество, за счет которого могло быть исполнено требование кредитора, но этого не было сделано вследствие неправомерных действий контролирующих лиц?

Иными словами, является ли исключение должника из ЕГРЮЛ в нарушение порядка, предусмотренного ст. 63 ГК РФ¹¹, само по себе самостоятельным деликтом или, в выражениях п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, недобросовестными (неразумными) действиями?

Если считать исключение из ЕГРЮЛ самостоятельным основанием для ответственности, то в таком случае требование должно быть квалифицировано как иск о взыскании убытков, вызванных утратой шанса: юрист пропустил срок на подачу апелляционной жалобы, фактически лишив своего клиента любых шансов на выигрыш дела; врач совершил врачебную ошибку, из-за чего пациент потерял все шансы на выздоровление; из-за действий ответчика истец не смог принять участие в конкурсе, в котором истец мог победить.

В приведенных примерах, безусловно, на первый план также выходит вопрос о причинно-следственной связи: ее установление в значительной степени ослаблено. Впрочем, в деликтном праве до сих пор нет единого понимания элементов состава деликта: в ряде случаев грань между ними размывается¹².

Согласно «доктрине «потерянного шанса» основанием для возложения ответственности является не нарушение субъективного права, являющегося традиционным объектом защиты, а сама по себе «утрата шанса». Таким образом, доктрина «потерянного шанса» меняет объект правовой защиты. Например, во втором примере (врачебная ошибка) основанием для ответственности является не причинение вреда здоровью (вред здоровью пациента уже был причинен до совершения врачом ошибки), а возможность пациента восстановить свое здоровье»¹³.

¹⁰ Такой подход сближал бы рассматриваемую субсидиарную ответственность с «автоматической».

¹¹ На первый взгляд кажется, что говорить о нарушении порядка ликвидации можно с большой долей условности, поскольку данная норма не обязывает кого-либо осуществлять ликвидацию, а лишь предоставляет участникам право принять соответствующее корпоративное решение. В то же время ниже мы попытаемся доказать, что по отношению к фактически прекратившему свою деятельность юридическому лицу, исключенному в административном порядке, можно говорить о нарушении порядка ликвидации.

¹² См.: *Михайлов В.С.* Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 82–144.

¹³ *Graziano T.K.* The «Loss of a Chance» in European Private Law: «All or Nothing» or Partial Compensation in Cases of Uncertainty of Causation // *Causation in Law* / ed. by L. Tichy. Prague, 2007. P. 133 (цит. по: *Михайлов В.С.* Концепция фактической причинной связи и некоторые проблемы ее применения // Вестник гражданского права. 2018. № 3. Абз. 450). См. также: *Овсянникова А.О.* Компенсация убытков, вызванных «обманом доверия» к исполнению сделки // *Опыты цивилистического исследования: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М., 2019; Байбак В.В.* Утрата благоприятной возможности (*loss of a chance*) как разновидность договорных убытков // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 5. С. 63–73.

Если же придерживаться иной точки зрения, то ликвидации, осуществленной по инициативе публичного органа, недостаточно для возложения на лицо субсидиарной ответственности: необходимо установить еще что-то иное. Именно к такому выводу пришла СКЭС ВС РФ в определении от 30.01.2020 № 306-ЭС19-18285 по делу № А65-27181/2018 (дело «Хабибуллина М.Р. против «Юнайт-Девелопмент»), не указав, однако, в чем конкретно такие действия могут выражаться.

2.2. Подходы судебной практики нижестоящих судов

Анализируя правоприменительную практику нижестоящих судов, можно обнаружить, что по состоянию на 27.03.2020 арбитражными судами округов рассмотрено 82 дела, в которых истцы ссылались на п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО. Из них в удовлетворении требований было отказано по 70 делам, а удовлетворено 12 заявлений, что составляет 14,63%¹⁴. Исследование отрицательных (для истца) судебных актов показывает, что нижестоящие суды придерживаются того подхода, что исключение должника из ЕГРЮЛ само по себе не является основанием для привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности. Данную тенденцию можно обнаружить даже в отношении тех дел, которые были рассмотрены до прецедента Верховного Суда РФ¹⁵.

В некоторых случаях суд дополнительно приходит к выводу, что не является основанием для привлечения к субсидиарной ответственности необращение контролирующего лица с заявлением о банкротстве должника: истец «отождествил неплатежеспособность с неоплатой конкретного долга отдельному кредитору. Однако это обстоятельство само по себе не свидетельствует о наличии признаков неплатежеспособности Общества и бездействии директора Смирнова Н.Н., выразившемся в необращении в суд с заявлением о банкротстве»¹⁶.

¹⁴ Ср. со статистикой рассмотрения споров о взыскании убытков с органов корпорации: за 2014–2017 гг. было удовлетворено 53, 40, 34 и 42% заявлений соответственно, см.: *Степанов Д.И., Михальчук Ю.С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М., 2018. Абз. 30–33.

¹⁵ См.: постановления АС Волго-Вятского округа от 25.09.2019 по делу № А43-52965/2018; АС Восточно-Сибирского округа от 27.01.2020 по делу № А19-3499/2019, от 15.05.2019 по делу № А78-476/2018; АС Дальневосточного округа от 09.01.2020 по делу № А73-9728/2019, от 14.11.2019 по делу № А16-410/2019, от 16.05.2019 по делу № А59-4287/2018; АС Западно-Сибирского округа от 11.07.2019 по делу № А75-12492/2018, от 03.06.2019 по делу № А45-13798/2018, от 15.02.2019 по делу № А27-10070/2018; АС Московского округа от 18.02.2020 по делу № А40-92501/2019, от 05.02.2020 по делу № А40-99462/2019, от 15.01.2020 по делу № А40-9486/2019, от 09.07.2019 по делу № А41-80566/2018, от 21.05.2019 по делу № А40-158888/2018, от 24.04.2019 по делу № А40-204199/2018, от 05.03.2019 по делу № А40-5482/18; АС Поволжского округа от 14.02.2020 по делу № А65-765/2019, от 01.11.2018 по делу № А65-9284/2018.

¹⁶ Постановление АС Волго-Вятского округа от 25.09.2019 по делу № А43-52965/2018. В рамках рассмотрения другого дела суд, напротив, в качестве одного из доводов указал, что должник не обратился с заявлением о банкротстве должника, см.: апелляционное определение Нижегородского областного суда от 02.07.2019 по делу № 33-7544/2019. См. также: апелляционные определения Курганского областного суда от 28.03.2019 по делу № 33-704/2019, от 12.02.2019 по делу № 33-386/2019, от 30.08.2018 по делу № 33-2727/2018.

Процент отказных дел позволяет прийти к выводу, что суды интуитивно не хотят применять п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО в пользу удовлетворения иска. Например, по одному из дел суд, отказывая в иске, пишет, что должник был ликвидирован в связи с недостоверностью юридического адреса, а следовательно, по мнению суда, не имеется причин считать, что лицо было недействующим, и оснований для применения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО¹⁷. Но ведь поводом для обращения в суд была не квалификация должника в качестве недействующего, а ликвидация как прекращение юридического лица без правопреемства. Именно данное обстоятельство закон называет в качестве основания для подачи иска.

В то же время в судебных актах по тем немногим делам, где истцам удавалось убедить суд в наличии условий для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, основанием для ее возложения как раз выступал сам факт исключения должника из ЕГРЮЛ¹⁸.

В некоторых случаях можно увидеть более развернутую аргументацию о характеристике недобросовестных и неразумных, по мнению суда, действий. Так, суд обосновывая свою позицию, указал, что должник «систематически принимал на себя обязательства, которые заведомо не собирался исполнять, при этом какие-либо меры к погашению задолженности, либо к обращению в суд о признании должника банкротом не предпринимались, ответчики избрали для должника номинального директора, назначенного учредителями не с целью осуществления обществом экономической деятельности, участник при наличии большого объема задолженности совершил одностороннюю сделку по выходу из состава учредителей». На основании этого анализа суд пришел к выводу, что действия ответчиков не отвечают требованиям добросовестности¹⁹. В данном случае можно заметить, что суды пытаются отыскать деликт не в самом факте исключения должника из ЕГРЮЛ, а в конкретных действиях контролирующих лиц, которые обладают признаками неразумности или недобросовестности.

Судебные акты, принимаемые судами общей юрисдикции по исследуемой нами проблеме, также разнородны. В Московском регионе распространены решения, в которых воспроизводится логика ВС РФ о том, что исключение должника само по себе не является основанием для привлечения к субсидиарной ответственности²⁰. Хотя ранее в судебных актах Московского городского суда можно было встретить и обратную позицию, в рамках которой решение о привлечении к субсидиарной ответственности основывалось исключительно на факте исключения должника из

---

¹⁷ См.: постановление АС Дальневосточного округа от 15.01.2020 по делу № А73-9726/2019.

¹⁸ См.: постановления АС Восточно-Сибирского округа от 06.05.2019 по делу № А33-16563/2018; АС Поволжского округа от 26.11.2019 по делу № А55-32550/2018, от 22.07.2019 по делу № А65-30781/2018, от 03.07.2019 по делу № А65-23799/2018; АС Северо-Западного округа от 24.12.2019 по делу № А56-122120/2018, от 05.11.2019 по делу № А21-15124/2018, от 14.10.2019 по делу № А05-13104/2018; АС Уральского округа от 05.12.2019 по делу № А50-37422/2018.

¹⁹ Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 06.05.2019 по делу № А33-16563/2018.

²⁰ См.: апелляционные определения Московского городского суда от 24.01.2020 по делу № 33-7810/2020, от 10.12.2019 по делу № 33-51369/2019, от 08.11.2019 по делу № 33-50761/2019.

ЕГРЮЛ²¹. Такая логика обнаруживается и в судебных актах судов общей юрисдикции других регионов²².

Но если арбитражные суды в тех немногочисленных случаях, когда иск о привлечении к субсидиарной ответственности удовлетворялся, обосновывали свое решение исключительно фактом исключения должника из ЕГРЮЛ, то анализ практики судов общей юрисдикции может дать большее представление о том, что же в понимании судов является неразумными и недобросовестными действиями.

Так, один из судов, удовлетворяя иск о привлечении к субсидиарной ответственности, указал, что после вынесения судебного акта в пользу кредитора на счета ликвидированной компании поступали денежные средства²³. При рассмотрении других дел суды отмечали, что недобросовестность действий контролирующих лиц «выражается в получении ответчиком денежных средств из кассы Общества без последующего представления отчетных документов, подтверждающих их целевое использование»²⁴, а также в том, что «денежные средства заказчика ни в кассу, ни на расчетный счет Общества не поступили»²⁵.

Тем не менее обобщенный анализ судебных актов показывает, что в правоприменительной практике отсутствует единое понимание фактического состава для привлечения к субсидиарной ответственности. Какие обстоятельства, значимые для дела, необходимо установить при разрешении иска, основанного на п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, и какие разъяснения высших судов могут быть применены? Все это в настоящее время понять затруднительно.

Так, по 12 делам можно обнаружить, что суды ссылаются на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее — постановление № 53)²⁶, а по 50 делам суды

²¹ См.: апелляционные определения Московского городского суда от 22.10.2019 № 33-44677/2019, от 18.10.2019 по делу № 33-46715/2019, от 08.07.2019 по делу № 33-29526/2019, от 14.05.2019 по делу № 33-19189/2019.

²² См.: апелляционные определения Владимирского областного суда от 14.05.2019 по делу № 33-1446/2019; Санкт-Петербургского городского суда от 15.08.2019 № 33-16363/2019 по делу № 2-5424/2018; Обзор апелляционной и кассационной практики Пермского краевого суда по гражданским и административным делам за первое полугодие 2018 г., утв. президиумом Пермского краевого суда 10.08.2018.

²³ См.: апелляционное определение Нижегородского областного суда от 02.07.2019 по делу № 33-7544/2019.

²⁴ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 18.12.2018 по делу № 33-14198/2018.

²⁵ Апелляционное определение Калининградского областного суда от 24.04.2019 по делу № 33-1473/2019.

²⁶ См.: постановления АС Уральского округа от 25.02.2020 по делу № А60-29081/2019, от 04.02.2020 по делу № А60-3282/2019; АС Западно-Сибирского округа от 20.02.2020 по делу № А03-21538/2018, от 11.07.2019 по делу № А75-12492/2018, от 08.08.2019 по делу № А40-118477/2018; АС Московского округа от 24.06.2019 по делу № А40-230837/2018; АС Поволжского округа от 18.02.2020 по делу № А65-39423/2018, от 17.07.2019 по делу № А65-21553/2018, от 05.06.2019 по делу № А55-16999/2018; АС Северо-Кавказского округа от 14.02.2020 по делу № А63-4221/2019, от 05.12.2019 по делу № А53-34957/2018; АС Центрального округа от 10.02.2020 по делу № А68-13105/2018.

анализируют положения постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее — постановление № 62)²⁷.

Если исходить из верности утверждения о том, что постановление № 53 должно применяться (поскольку все выводы о субсидиарной ответственности, сформулированные для банкротства, справедливы и при применении п. 3.1 ст. 3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве)), то, по-видимому, возможно применение положений и самого Закона о банкротстве как нормативного акта, в котором долгое время нарабатывались позиции по привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Однако, обратившись к судебной практике, можно обнаружить, что суды отказываются применять ст. 10 Закона о банкротстве, которая ранее регулировала вопросы привлечения к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве, так как, по их мнению, в отсутствие возбужденного дела о банкротстве эта статья не может быть применена²⁸. По аналогичным причинам в другом деле суд отклонил ссылку стороны на ст. 61.19 Закона о банкротстве, регулиующую порядок рассмотрения иска о привлечении к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве²⁹.

Не применяют суды и ст. 9 Закона о банкротстве, обязывающую руководителя должника при определенных обстоятельствах обратиться с заявлением о «самобанкротстве», говоря о том, что эта норма могла бы быть учтена только в случае, если дело о банкротстве впоследствии возбуждено³⁰. А далее суды, отказывая в удовлетворении требований, приходят к выводу, что во всяком случае размер субсидиарной ответственности за нарушение срока подачи заявления о признании должника банкротом определяется применительно к обязательствам, возникшим после наступления обязанности должника по подаче заявления о признании себя банкротом³¹. Иногда суды, напротив, ссылаются на ст. 61.14 Закона о банкротстве, раскрывающую обстоятельства, при которых возникает право на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности³².

²⁷ См., напр.: постановления АС Восточно-Сибирского округа от 15.05.2019 по делу № А78-476/2018; АС Дальневосточного округа от 16.05.2019 по делу № А59-4287/2018; АС Западно-Сибирского округа от 11.07.2019 по делу № А75-12492/2018; АС Московского округа от 18.02.2020 по делу № А40-92501/2019; АС Поволжского округа от 14.02.2020 по делу № А65-765/2019; АС Северо-Западного округа от 03.03.2020 по делу № А56-33330/2019; АС Северо-Кавказского округа от 14.02.2020 по делу № А63-4221/2019; АС Уральского округа от 25.03.2019 по делу № А50-9561/2018; АС Центрального округа от 04.09.2019 по делу № А54-7151/2018.

²⁸ См.: постановления АС Дальневосточного округа от 14.11.2019 по делу № А16-410/2019, от 29.10.2019 по делу № А16-412/2019.

²⁹ См.: постановление АС Дальневосточного округа от 01.11.2019 по делу № А16-411/2019.

³⁰ См.: постановление АС Дальневосточного округа от 19.04.2019 по делу № А73-14144/2018.

³¹ См.: постановление АС Дальневосточного округа от 19.04.2019 по делу № А73-14144/2018. См. также: постановление АС Московского округа от 24.04.2019 по делу № А40-204199/2018.

³² См.: постановление АС Западно-Сибирского округа от 11.07.2019 по делу № А75-12492/2018.

Возвращаясь к выводам ВС РФ, которые он сформулировал при рассмотрении вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, можно отметить, что высшим судом не были сформулированы четкие указания о том, как рассматривать такие споры. Верховный Суд лишь отмечает, что привлечение к субсидиарной ответственности возможно, если действия контролирующих лиц «привели к тому, что общество стало неспособным исполнять обязательства перед кредиторами, *то есть фактически за доведение до банкротства*».

Но ситуация доведения до банкротства релевантна только тогда, когда у должника имеется несколько кредиторов, а действия контролирующих лиц привели к тому, что должник стал неспособным удовлетворить требования таких кредиторов, даже если действия контролирующих лиц (с точки зрения оценки убытков) не были эквивалентны размеру субсидиарной ответственности. В этом и заключается особенность субсидиарной ответственности в банкротном праве: ее размер определяется не величиной убытков, а совокупным размером непогашенных требований кредиторов³³. Иными словами, контролирующее лицо могло совершить сделку, которая формально принесла убытки на 100 руб., но в силу своей значимости (с учетом масштабов деятельности должника) привела к банкротству с общим размером непогашенных требований кредиторов в 1000 руб. Представим себе, что директор завода произведет отчуждение товарного знака, принадлежащего должнику (заводу), единственным направлением деятельности которого были производство и продажа товара, маркированного этим товарным знаком. В результате деятельность завода будет остановлена и, вероятно, приведет к банкротству с гораздо большим размером требований, чем стоимость отчужденного товарного знака³⁴.

Но что остается от этой особенной субсидиарной ответственности, когда требование предъявляется одним кредитором в порядке п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО? Ведь в подобной ситуации, если размер вредоносных действий ниже величины требования кредитора, взыскание, по-видимому, будет осуществлено в размере таких убытков. Во всяком случае в п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО нет специального указания на порядок определения размера субсидиарной ответственности. Все вышеизложенное противоречит идее субсидиарной ответственности, в рамках которой ее размер может оказаться существенно выше размера реальных убытков.

Видится, что при таких обстоятельствах какая-либо межа, которой можно было бы разграничить субсидиарную ответственность по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО и убытки, отсутствует. И в этом смысле в текущей модели предъявления иска по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО даже сторонники самостоятельности субсидиарной ответственности по отношению к деликту вряд ли смогут как-то их разделить. И так, определившись с квалификацией требования, вытекающего из п. 3.1 ст. 3 Закона

³³ Впрочем, в литературе такой порядок определения размера субсидиарной ответственности ставится под сомнение, см.: *Егоров А.В., Усачева К.А.* Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративной вуали. С. 47–51. В то же время авторы работы в целом полагают избыточным самостоятельное регулирование ответственности контролирующих лиц по модели субсидиарной, а потому, возможно, и выступают с критикой порядка определения размера субсидиарной ответственности.

³⁴ В данном случае пример является условным. Вполне вероятно, что в реальной жизни стоимость отчужденного товарного знака окажется гораздо выше общей величины непогашенных требований кредиторов. Иными словами, убытки от совершенной сделки могут и не исчерпываться ценой сделки.

об ООО, как деликтных убытков, можно предположить возможные обстоятельства, влекущие ответственность.

Во-первых, следует установить, что после возникновения требования кредитора у должника имелось какое-либо имущество, за счет которого это требование могло бы быть исполнено. Как минимум можно предположить, что таким имуществом является предоставление кредитора, осуществленное им в пользу должника (по обязательству между ними), если требование кредитора выражается в выплате должником основного долга, а не финансовых санкций. Ведь если представить, что у должника отсутствуют иные обязательства, то предоставление кредитора по обязательству образует имущество должника.

Во-вторых, необходимо доказать, что имевшееся имущество должника было израсходовано на цели, противоречащие его интересам. Представляется, что в число таких интересов в силу принципа добросовестности должно входить и погашение задолженности перед кредиторами. Если в рамках рассмотрения конкретного дела будет установлено, что должник потратил денежные средства или произвел отчуждение имущества путем совершения сделки, причинившей вред, в пользу самих контролирующих или аффилированных с ним лиц, то можно смело утверждать о наличии оснований для взыскания убытков. Другое дело, что эти действия, по-видимому, следует рассматривать в контексте других обязательств должника и устанавливать, в каком размере кредитор мог бы получить удовлетворение по обязательству.

Более сложной является ситуация, когда должник потратил свое имущество на расчеты с другим неаффилированным кредитором. Кажется, что в данном случае можно говорить о предпочтительном удовлетворении требований другого кредитора по модели ст. 61.3 Закона о банкротстве. И если для оспаривания такой сделки не имеется процессуальных оснований (в отсутствие возбужденного дела о банкротстве) и может не иметься материально-правовых (например, другой кредитор не знал об имущественном положении должника или сделка совершена за пределами оспариваемого периода до возбуждения дела о банкротстве), то очевидно, что такие действия можно поставить в вину контролирующим лицам. Ведь контролирующее лицо (в отличие от внешнего кредитора), естественно, обладает информацией об имущественном положении должника и само выбирает кредитора, которому оно производит исполнение, зная, что другой остается без удовлетворения.

В поддержку такого подхода может быть высказан довод, что в отечественном правопорядке отсутствует универсальная норма, которая бы устанавливала очередность исполнения обязательств должником в пользу нескольких кредиторов. И это является большим упущением нашего ГК РФ, что мы ранее попытались обосновать в другой публикации³⁵. Но даже в отсутствие такой специальной нормы и правовых оснований для применения ст. 134 Закона о банкротстве существуют иные положения, регулирующие очередность удовлетворения кредиторов (в част-

---

³⁵ См.: *Соболев С.И.* Коллизия правил об очередности исполнения обязательств должником в пользу нескольких кредиторов и способы ее разрешения // Закон. 2020. № 6. С. 45–63.

ности, ст. 64, 855 ГК РФ, ст. 111 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Если, например, у банка в силу ст. 855 ГК РФ имеется обязанность по списанию денежных средств в определенной очередности, то у другого лица, очевидно, имеется право требовать соответствующего распределения денежных средств, принадлежащих должнику³⁶. Таким лицом, по-видимому, должен стать кредитор, который остался без удовлетворения. Более того, существуют вполне обоснованные причины для применения по аналогии ст. 64 ГК РФ, которая регулирует ситуацию распределения денежных средств при ликвидации должника, в рамках рассмотрения требования о привлечении к субсидиарной ответственности по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО. Ведь если ликвидация состоялась по инициативе налогового органа, то ликвидатором, на наш взгляд, должен презюмироваться единоличный исполнительный орган должника, который по своей инициативе не реализовал процедуру ликвидации должника и распределения его имущества в соответствии с законом (см. подробнее о возможности применения ст. 64 ГК РФ ниже).

Если был установлен факт распределения денежных средств с нарушением правил об очередности, то, вероятно, размер убытков, взыскиваемых с контролирующих лиц, должен быть пропорционален размеру денежных средств, которые мог бы получить кредитор при правомерном распределении денежных средств в соответствии с правилами очередности.

Такой подход о взыскании убытков при нарушении должником правил об очередности, на наш взгляд, может быть применен не только при ликвидации должника в административном порядке, но и как универсальный способ защиты права кредитора при установлении факта непропорционального распределения имущества должника между его кредиторами. В этом случае, безусловно, бремя доказывания обстоятельств нарушения правил об очередности должно возлагаться на кредитора. Но если кредитор сможет доказать, что имущество должника было распределено с нарушением правил об очередности, то вполне обоснованным и разумным было бы предоставить такому кредитору право на иск.

Установив, что должник в лице контролирующих лиц совершил сделку, причинившую вред, в пользу такого контролирующего лица, можно говорить о квалификации его действий как недобросовестных. Напротив, если будет установлено, что имущество должника было потрачено в интересах других неаффилированных кредиторов, то оценка действий контролирующих лиц, скорее, тяготеет к неразумности³⁷. Зачастую достаточно сложно определить, являлись ли действия конкретного лица неразумными или недобросовестными: однозначно чувствуется лишь то, что такие действия находятся где-то в этих пределах. Так и суды в ряде случаев

³⁶ В ситуации, когда исполнение осуществляется сторонним по отношению к должнику лицом, безусловно, встанет вопрос о том, должен ли за нарушение очередности отвечать сам должник или субъектом ответственности должно выступать лицо, на которое законом возложена обязанность распределять денежные средства на основании определенной очередности.

³⁷ Ведь исполнение в пользу отдельных кредиторов может обуславливаться какими-то экономическими причинами, а не желанием облагодетельствовать одного или нескольких кредиторов. Однако это не отменяет того факта, что директор, действуя по закону, должен был исполнять требования кредиторов в соответствии с очередностью.

затрудняются оценить, являлись ли действия контролирующих лиц неразумными или недобросовестными: «...исключение юридического лица из ЕГРЮЛ в порядке п. 2 ст. 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ вследствие фактического прекращения юридическим лицом деятельности связано с неразумными *либо* недобросовестными действиями его руководителя и участников»³⁸.

Иногда суды приходят к выводу о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности участника должника³⁹, хотя, по-видимому, для этого необходимо установить, что такой участник одобрил действия органа юридического лица, что зачастую затруднительно, поскольку далеко не все сделки в соответствии с законом или корпоративными документами подлежат одобрению со стороны общего собрания участников.

Можно обнаружить в судебной практике и некоторые перегибы в пользу истца. Так, идея о правопреемстве прав участников юридического лица была использована в качестве основы вывода о правопреемстве ответственности: «...отклоняя доводы ответчика о том, что на момент возникновения права требования истца к должнику ответчик не являлся исполнительным органом ООО «Пароле Консалт», суды правомерно указали, что ответчик как правопреемник предыдущего исполнительного органа должен был исполнять обязательства, возложенные на ООО «Пароле Консалт»⁴⁰. Очевидно, что такой подход является неверным, поскольку ответственность в данном случае носит персональный характер и не может следовать за пучком прав и обязанностей из доли в уставном капитале.

2.3. Распределение бремени доказывания и оценка действий самого кредитора

Выше мы пришли к выводу, что для привлечения к субсидиарной ответственности необходимо установить факт совершения действий, причинивших вред кредитору. В связи с этим возникает вопрос о том, кто должен доказать эти обстоятельства: используется ли здесь общий режим доказывания (по лицу, которое заявляет соответствующий довод) или бремя доказывания возлагается на ответчика?

В большинстве случаев арбитражные суды говорят о бремени доказывания на стороне истца. И в этом смысле отказной характер решений арбитражных судов обосновывается следующей логикой: исключение должника из ЕГРЮЛ само по себе не влечет ответственности контролирующих лиц, а раз истец не доказал факт совершения ответчиком противоправных действий, то в иске следует отказать. В не-

---

³⁸ Апелляционные определения Санкт-Петербургского городского суда от 07.11.2019 № 33-22258/2019 по делу № 2-1492/2019, от 15.08.2019 № 33-16363/2019 по делу № 2-5424/2018; постановление АС Поволжского округа от 26.11.2019 по делу № А55-32550/2018.

³⁹ См.: апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.11.2019 № 33-22258/2019 по делу № 2-1492/2019; постановления АС Восточно-Сибирского округа от 06.05.2019 по делу № А33-16563/2018, АС Поволжского округа от 06.03.2019 по делу № А65-19296/2018.

⁴⁰ Постановление АС Поволжского округа от 17.07.2019 по делу № А65-21553/2018.

которых судебных актах судов общей юрисдикции можно обнаружить обратное видение исследуемой проблемы. Так, суд указал: «...доказательства отсутствия своей вины в связи с неисполнением обязательств ООО «Системное мышление» перед ответчиком в суд представлено не было»⁴¹. Напротив, в других случаях суды общей юрисдикции возлагают бремя доказывания на истца⁴².

Решение вопроса о распределении бремени доказывания затруднено и предопределяется положением п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО в системе законодательства. Будучи оторванной от регулирования вопросов несостоятельности, эта норма не объясняет, как должны рассматриваться такие споры. Ведь если, например, требование о привлечении к субсидиарной ответственности предъявлено в деле о банкротстве, то параллельно с этим обособленным спором арбитражный управляющий, осуществляя свою деятельность, оценивает имущественное положение должника и, как правило, может увидеть весь спектр действий контролирующих лиц, что существенно облегчает процесс доказывания неразумности и недобросовестности их действий. И в данном случае можно помыслить себе доводы в пользу возложения бремени доказывания на истца.

Если мы говорим о том, что к п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО применяется Закон о банкротстве, то можно заметить, что положения о несостоятельности устанавливают ряд доказательственных презумпций. В частности, в соответствии с п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий контролирующего должника, если:

- причинен существенный вред имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом одной или нескольких сделок;
- документы бухгалтерского учета и (или) отчетности отсутствуют или не содержат информацию об объектах, предусмотренных законом, либо указанная информация искажена, в результате чего существенно затруднено проведение процедур банкротства;
- документы, хранение которых являлось обязательным в соответствии с законодательством об ООО, отсутствуют либо искажены;
- не внесены подлежащие обязательному внесению в соответствии с федеральным законом сведения либо внесены недостоверные сведения в ЕГРЮЛ на основании представленных таким юридическим лицом документов.

В то же время, если мы говорим о рассмотрении требования о привлечении к субсидиарной ответственности по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, контролирующее лицо как будто не обязано представлять в материалы дела бухгалтерскую отчетность, сведения о движении денежных средств по банковским счетам и пр. Но при таких обстоятельствах кредитор становится затруднительно установить имуществен-

⁴¹ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 02.07.2019 по делу № 33-7544/2019. См. также: апелляционное определение Нижегородского областного суда от 19.02.2019 по делу № 33-1658/2019.

⁴² См.: апелляционное определение Московского городского суда от 10.12.2019 по делу № 33-51369/2019.

ное состояние должника, что создает опасения в работоспособности п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО. Может быть, поэтому на текущее время и существует такое соотношение положительных и отрицательных судебных актов по применению указанной нормы?

На наш взгляд, переложение бремени доказывания на ответчика при рассмотрении спора по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО может быть обусловлено следующими соображениями. Как бы мы ни относились к различным теориям объяснения сущности юридического лица, будь то персонифицированное имущество, коллектив людей, образующих юридическое лицо, директор как орган, представляющий ввне юридическое лицо, или фиктивное образование⁴³, нельзя не признать, что юридическое лицо является искусственно созданным субъектом права. В реальном мире юридическому лицу не соответствует какой-либо денотат. Это означает, что юридическое лицо не существует само по себе, а синтезируется законом для определенной цели. Такой целью в зависимости от вида юридического лица является ведение предпринимательской либо иной *деятельности* (п. 1 ст. 50 ГК РФ). Причем последнее слово имеет ключевое значение, поскольку оно обуславливает, что юридическое лицо создается для ведения деятельности, которая в правовом поле опосредуется путем совершения сделок и иных юридических актов.

Выше мы обозначили, что основанием для административной ликвидации должника является несдача юридическим лицом отчетности вкпе с отсутствием движения денежных средств по его банковским счетам. Эти обстоятельства, тем более при наличии решения о предстоящем исключении должника из ЕГРЮЛ, на которое он никак не реагирует, с большой степенью вероятности свидетельствует о фактическом прекращении должником деятельности и нежелании юридического оформления данного факта.

В гражданском обороте принято, что фактическое прекращение деятельности юридического лица юридически сопровождается процедурой добровольной ликвидации. И здесь уместно отметить, что если бы было принято решение о добровольной ликвидации, то ликвидатору необходимо было бы составлять ликвидационный баланс, производить расчеты с кредиторами, продавая имущество должника, а при его недостаточности — обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве. Как отмечает Д.И. Мейер, ликвидация предполагает собой совершение ряда действий, включающих уплату долгов⁴⁴.

Между тем бездействие контролирующего лица, де-факто бросившего должника на произвол судьбы, приводит к тому, что кредитор лишен даже тех скромных возможностей, которые ему предоставлены в рамках процедуры добровольной ликвидации должника.

В качестве первичного довода для переложения бремени доказывания кредитор вполне может утверждать, что он произвел в пользу должника свое предоставление

---

⁴³ Разные взгляды на указанную проблему см.: *Козлова Н.В.* Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие / науч. ред. В.С. Ем. М., 2003.

⁴⁴ См.: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. М., 1997. С. 134.

по обязательству, что презюмирует наличие у должника имущества в размере осуществленного предоставления. Если же контролирующее лицо в качестве контролевого ссылается на расходование имущественного предоставления кредитора в определенных целях, то уже именно контролирующее лицо должно доказать, на какие конкретно цели было потрачено имущество в виде перешедшего в его собственность предоставления кредитора. Такая фактура уже в большей степени будет благоприятствовать оценке действий контролирующего лица в качестве неразумных или недобросовестных (либо наоборот).

Почему мы, установив, что у должника имеется неисполненное обязательство перед кредитором, что контролирующее лицо пренебрегло процедурой добровольной ликвидации и допустило ситуацию невозможности исполнения обязательства за счет имущества самого должника, должны возлагать на истца бремя доказывания оснований для привлечения к субсидиарной ответственности в полном объеме?

В судебной практике по делам о банкротстве уже сформировалась позиция, что если одна сторона привела достаточно серьезные доводы и существенные косвенные свидетельства в отношении определенного факта, то бремя доказывания обратного может быть переносно на другую сторону⁴⁵.

Применительно к п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО можно обнаружить развитие подхода Верховного Суда РФ (в интерпретации нижестоящих судов) в части переложения бремени доказывания: «...не любое подтвержденное косвенными доказательствами сомнение в добросовестности действий руководителя и единственного участника должно толковаться против ответчиков, такие сомнения должны быть достаточно серьезными, то есть ясно и убедительно с помощью согласующихся между собой косвенных доказательств подтверждать отсутствие намерений погасить конкретную дебиторскую задолженность»⁴⁶.

На наш взгляд, совокупность изложенных обстоятельств, которая привела к исключению должника из ЕГРЮЛ как фактически недействующее юридическое лицо, свидетельствует об обоснованных сомнениях в добросовестности и разумности действий контролирующего лица, которое при наличии неисполненных обязательств допустило исключение должника из ЕГРЮЛ. Житейская практика подсказывает, что фактическое прекращение деятельности юридического лица с неисполненными обязательствами свидетельствует об отсутствии у контролирующего намерения рассчитаться с кредиторами. Ведь если предположить, что контролирующее лицо хотело удовлетворить требования кредиторов, то ему в соответствии со ст. 21.1 Закона о государственной регистрации предоставлено право выдвинуть возражения относительно исключения юридического лица.

⁴⁵ См.: определение ВС РФ от 28.03.2019 № 305-ЭС18-17629 (2) (дело «Пиррон/Астория»). В данном деле было переложено бремя доказывания того, что сделка реально исполнялась.

⁴⁶ См.: постановления АС Уральского округа от 25.02.2020 по делу № А60-29081/2019, от 10.02.2020 по делу № А50-9561/2018, от 22.01.2020 по делу № А71-17634/2018, от 25.11.2019 по делу № А60-1178/2019, от 25.03.2019 по делу № А50-9561/2018; АС Западно-Сибирского округа от 11.07.2019 по делу № А75-12492/2018.

При рассмотрении одного из дел суд отметил, что «настоящее дело имеет элементы корпоративного спора и связано с определенными трудностями истца в представлении в материалы дела доказательств, раскрывающих хозяйственную деятельность ООО «ТОРГОСТ»: факты оприходования, реализации товара, движения денежных средств по счетам и т.д. С целью соблюдения равенства возможностей участников в деле о возмещении убытков с контролирующими лиц законодатель ввел презумпцию недобросовестности и неразумности действий контролирующих лиц в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения контролирующим лицом публично-правовых обязанностей, а также совершение им действий, не отвечающих интересам общества (п. 2, 4 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62)»⁴⁷.

Вообще можно заметить, что вопрос о распределении бремени доказывания был бы разрешен, если бы к п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО мы применяли бы положения Закона о банкротстве, регулирующие процедуру и основания для привлечения к субсидиарной ответственности. По крайней мере кредитор, инициировавший иск по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, мог бы рассчитывать на гарантии, предоставленные конкурсному кредитору в деле о банкротстве. На наш взгляд, при рассмотрении спора о привлечении к субсидиарной ответственности по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО необходимо применять и нормы Закона о банкротстве, в том числе и в части распределения бремени доказывания.

Очень часто в судебных актах можно встретить довод последней надежды⁴⁸: требование о привлечении к субсидиарной ответственности по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО не подлежит удовлетворению, поскольку сам кредитор не направил возражений относительно исключения должника из ЕГРЮЛ⁴⁹.

В других случаях суды иначе оценивали бездействие кредитора, выразившееся в ненаправлении возражений относительно исключения должника из ЕГРЮЛ: «...указывая на то, что истец сам не проявил должную осмотрительность — не отслеживал сведения о предстоящем исключении ООО «МЕГА-Строй» из Единого государственного реестра юридических лиц и тем самым допустил наступление негативных последствий ввиду невозможности исполнить судебный акт, суды неправильно распределили бремя доказывания, фактически возложив обязанность по доказыванию отсутствия вины в причиненных убытках на истца, тогда как исходя из смысла положений статьи 401 ГК РФ отсутствие вины должно доказывать

---

⁴⁷ Постановление АС Московского округа от 01.10.2019 по делу № А41-2077/2019

⁴⁸ Небесспорный аргумент, не являющийся основным, который приводится в судебном акте в целях мотивировки его законности и обоснованности.

⁴⁹ См.: постановления АС Восточно-Сибирского округа от 15.05.2019 по делу № А78-476/2018; АС Московского округа от 01.08.2019 по делу № А40-301417/2018, от 24.04.2019 по делу № А40-204199/2018, от 27.02.2019 по делу № А40-78000/2018, от 22.01.2020 по делу № А41-63375/2018, от 08.08.2019 по делу № А40-118477/2018, от 09.07.2019 по делу № А41-80566/2018; АС Северо-Западного округа от 25.07.2019 по делу № А05-7712/2018, от 23.12.2019 по делу № А56-17520/2019, от 26.08.2019 по делу № А56-107603/2018, от 30.04.2019 по делу № А21-11997/2018, от 27.05.2019 по делу № А56-77064/2018; АС Северо-Кавказского округа от 18.06.2019 по делу № А63-6986/2018; АС Уральского округа от 20.07.2018 по делу № А47-10707/2017, от 05.12.2019 по делу № А60-47830/2017.

лицо, допустившее нарушение»⁵⁰. Именно директор как контролирующее должника лицо должен был предпринять меры по направлению возражений, в противном случае негативные последствия исключения должника из ЕГРЮЛ несет контролирующее лицо⁵¹.

АС Поволжского округа при рассмотрении одного из дел, отклонив ссылку на то, что истец не направил возражения, отметил, что «в указанный временной период шли судебные заседания с активным участием ООО «Пароле-Консалт» и истец предполагал, что должник не будет исключен из ЕГРЮЛ. *Более того, факт необращения истца с данным заявлением не препятствует предъявлению настоящего иска*»⁵². Пожалуй, это утверждение является наиболее убедительным аргументом в сомнительности отказа в иске по мотиву ненаправления возражений относительно исключения должника из ЕГРЮЛ.

Возвращаясь к содержанию п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, можно обнаружить, что право на иск возникает лишь в случае исключения должника из ЕГРЮЛ. А если бы кредитор направил в налоговый орган возражения относительно исключения должника из ЕГРЮЛ, то административная ликвидация не состоялась бы и, следовательно, кредитор не мог бы предъявить соответствующий иск. Иными словами, при таком подходе судов существование п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО просто обесмыслилось бы, поскольку в иске было бы отказано либо потому что должник не исключен из ЕГРЮЛ, либо потому что кредитор не направил возражения относительно его исключения⁵³. Более того, возможность направления возражений относительно исключения должника из ЕГРЮЛ есть и у самого юридического лица (должника). Почему же в таком случае не сделать акцент на бездействии контролирующего лица?

Предположим, что отсутствие возражений со стороны кредитора само по себе не препятствовало бы удовлетворению иска о привлечении к субсидиарной ответственности. Как при этом оценить поведение кредитора?

Пунктом 2 ст. 1083 ГК РФ предусмотрено, что если грубая неосторожность потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, то в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда размер возмещения должен быть уменьшен. Но ведь, если следовать логике ВС РФ, вред возникает не в результате исключения должника из ЕГРЮЛ, а в связи с совершением контролирующим лицом конкретных недобросовестных и неправомερных действий. При таких обстоятельствах поведение кредитора, выражающееся в ненаправлении возражений,

⁵⁰ Постановление АС Западно-Сибирского округа от 20.02.2020 по делу № А03-21538/2018

⁵¹ См.: постановления АС Восточно-Сибирского округа от 06.05.2019 по делу № А33-16563/2018; АС Северо-Западного округа от 24.12.2019 по делу № А56-122120/2018, от 05.11.2019 по делу № А21-15124/2018; АС Дальневосточного округа от 24.12.2019 по делу № А73-568/2018.

⁵² Постановление АС Поволжского округа от 17.07.2019 по делу № А65-21553/2018.

⁵³ Продолжая неправильную, на наш взгляд, логику судов, можно было бы также поставить в вину кредитору, что он не оспорил в административном и судебном порядке решение налогового органа об исключении должника из ЕГРЮЛ, а значит, согласился со всеми последствиями исключения юридического лица.

никак не может повлиять на размер вреда: он уже к моменту исключения должника из ЕГРЮЛ либо возник, либо нет.

Более того, даже если исходить из применимости п. 2 ст. 1083 ГК РФ к данным отношениям, это не исключает ответственность, а только может уменьшить ее размер. Даже за совместное причинение вреда сопричинители несут ответственность в равных долях (п. 4 ст. 326, ст. 1080 ГК РФ). Таким образом, на наш взгляд, непринятие кредитором мер по направлению возражений относительно исключения должника из ЕГРЮЛ не является поводом для отказа в иске о привлечении к субсидиарной ответственности.

3. Действие п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО во времени

3.1. Дата вступления Закона в силу

До того, как определять характеристику нормы и устанавливать временные пределы ее действия, необходимо договориться о дате ее вступления в силу, что *prima facie* в большинстве случаев не вызывает затруднений. Применительно к исследуемой проблеме эта необходимость вызвана тем, что в рамках складывающейся судебной практики суды по-разному определяют дату вступления в силу п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО. И если с альтернативной подведомственностью (текущее состояние вопроса о компетенции судов по рассмотрению подобных споров; см. ниже) могут высказываться разные мнения в пользу ее признания по мотиву неоднозначности толкования процессуальных норм, то момент вступления в силу правовой нормы всегда одинаков и, прежде чем применить норму, его нужно установить.

Одни арбитражные суды⁵⁴ (и суды общей юрисдикции⁵⁵) полагают, что п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО вступил в силу 30.07.2017. Другие арбитражные суды считают да-

---

⁵⁴ См.: постановления АС Московского округа от 24.06.2019 по делу № А40-230837/2018, от 15.01.2020 по делу № А40-9486/2019, от 28.11.2019 по делу № А40-57100/2019, от 14.11.2019 по делу № А40-152807/2018, от 01.10.2019 по делу № А41-2077/2019, от 24.04.2019 по делу № А40-204199/2018; АС Северо-Западного округа от 03.03.2020 по делу № А56-33330/2019, от 07.10.2019 по делу № А56-43591/2018, от 06.08.2019 по делу № А26-4007/2018, от 30.04.2019 по делу № А21-11997/2018; АС Северо-Кавказского округа от 05.12.2019 по делу № А53-34957/2018, от 02.08.2019 по делу № А53-32681/2018, от 18.06.2019 по делу № А63-6986/2018; АС Уральского округа от 05.12.2019 по делу № А50-37422/2018; АС Центрального округа от 04.09.2019 по делу № А54-7151/2018.

⁵⁵ См.: апелляционные определения Саратовского областного суда от 30.07.2019 по делу № 33-5925/2019; Нижегородского областного суда от 11.09.2018 по делу № 33-10719/2018; Московского городского суда от 16.12.2019 по делу № 33-56329/2019, от 10.12.2019 по делу № 33-51369/2019, от 18.11.2019 по делу № 33-45501/2019; ВС Республики Карелия от 20.08.2019 № 33-3081/2019; Санкт-Петербургского городского суда от 16.05.2019 № 33-10577/2019 по делу № 2-5253/2018; Ленинградского областного суда от 13.12.2018 № 33-7563/2018; ВС Республики Башкортостан от 17.09.2019 по делу № 33-17961/2019; ВС Республики Татарстан от 24.06.2019 по делу № 33-10853/2019; ВС Республики Марий Эл от 26.03.2019 по делу № 33-522/2019; Челябинского областного суда от 24.04.2018 по делу № 11-5506/2018; Алтайского краевого суда от 12.02.2020 по делу № 33-1085/2020, от 29.05.2019 по делу № 33-4793/2019; Красноярского краевого суда от 21.10.2019 по делу № 33-13376/2019.

той вступления нормы в силу 28.06.2017⁵⁶. Впрочем, и суды общей юрисдикции в ряде случаев исповедуют такой подход⁵⁷.

Суммировав изложенные выше позиции судов, мы установили, что за 30.07.2017 как за дату вступления в силу п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО суды высказываются в 15 судебных актах окружных арбитражных судов и 16 судебных актах судов общей юрисдикции. В свою очередь, позицию относительно 28.06.2017 как правильной даты можно обнаружить в 13 судебных актах окружных арбитражных судов и 14 судебных актах судов общей юрисдикции.

На наш взгляд, имеются неоспоримые доказательства того, что п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО вступил в силу 28.06.2017. Эта норма была введена Федеральным законом от 28.12.2016 № 488-ФЗ (далее — Закон № 488-ФЗ), в соответствии с ч. 1 ст. 4 которого он вступает в силу по истечении 180 дней после дня его официального опубликования, за исключением положений, для которых настоящей статьей установлен иной срок вступления их в силу. Для п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО иной срок вступления в силу не установлен. Указанный Закон был впервые опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> 29.12.2016. 180 дней с этой даты истекли 27.06.2017. Следовательно, Закон № 488-ФЗ в части введения в действие п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО вступил в силу 28.06.2017.

В то же время нам удалось обнаружить причину, по которой в столь большом количестве судебных актов датой вступления п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО в силу указывается 30.07.2017. Дело в том, что сам Закон № 488-ФЗ, которым были внесены изменения в ст. 3 Закона об ООО, существовал в двух редакциях — первоначальной и в редакции Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ.

Далее можно обнаружить, что 30.07.2017 вступила в силу лишь новая редакция Закона № 488-ФЗ, а не его первоначальный текст. А поскольку дополнение Закона об ООО п. 3.1 было предусмотрено еще в первоначальной редакции, то в этой части Закон вступил в силу 28.06.2017. Однако, к сожалению, неверная, на наш взгляд, позиция преобладает в настоящее время в судах, что подтверждается вышеприведенной статистикой принятых судебных актов.

⁵⁶ См.: постановления АС Восточно-Сибирского округа от 27.01.2020 по делу № А19-3499/2019, от 15.05.2019 по делу № А78-476/2018; АС Московского округа от 08.08.2019 по делу № А40-118477/2018, от 09.07.2019 по делу № А41-80566/2018, от 06.08.2018 по делу № А40-249367/2017; АС Северо-Западного округа от 14.10.2019 по делу № А05-13104/2018, от 26.08.2019 по делу № А56-107603/2018, от 27.05.2019 по делу № А56-77064/2018; АС Северо-Кавказского округа от 17.12.2018 по делу № А53-5642/2018; АС Уральского округа от 25.02.2020 по делу № А60-29081/2019.

⁵⁷ См.: апелляционные определения Нижегородского областного суда от 11.09.2018 по делу № 33-10719/2018; Московского городского суда от 24.01.2020 по делу № 33-7810/2020, от 16.12.2019 по делу № 33-56329/2019, от 30.07.2019 по делу № 33-35012/2019; Владимирского областного суда от 14.05.2019 по делу № 33-1446/2019; Санкт-Петербургского городского суда от 15.08.2019 по делу № 33-16363/2019, от 16.05.2019 № 33-10577/2019, от 29.05.2018 № 33-9985/2018; ВС Республики Башкортостан от 18.12.2019 по делу № 33-24573/2019; Курганского областного суда от 12.02.2019 по делу № 33-386/2019; Алтайского краевого суда от 12.02.2020 по делу № 33-1085/2020, от 22.01.2020 № 33-479/2020, от 16.10.2018 по делу № 33-9511/2018.

3.3. Обстоятельства, имеющие значение для установления временных пределов действия закона

Предположим, что п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО и закон, которым он был введен в действие, как нормы материального права не обладают свойством обратной силы и для оценки возможности применения правовой нормы в конкретном деле нужно определить юридически значимые обстоятельства, которые нужно сопоставить с датой вступления закона в силу.

В данном случае также можно обнаружить пестроту подходов, складывающихся в судебной практике. В ряде судебных актов возможность применения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО привязывается к дате возникновения обязательств по отношению к основному должнику⁵⁸. Так, по одному из дел суд приходит к следующему выводу: «...из решения суда следует, что задолженность общества по договору займа возникла 20.11.2016, следовательно, вменяемые ответчику действия (бездействие), указываемые им в качестве противоправного поведения, влекущего субсидиарную ответственность указанных лиц по обязательствам общества, имели место до вступления в силу»⁵⁹.

В других судебных актах суды, установив, что исключение должника из ЕГРЮЛ состоялось до даты вступления в силу Закона (в данном случае мы не рассматриваем конкретную дату, которую суды установили как правильную, а лишь отражаем общий подход суда), приходили к выводу о неприменимости положений п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО к сложившимся отношениям⁶⁰. И напротив, суды, ссылаясь на запись об исключении должника, внесенную после даты вступления Закона в силу, приходят к выводу о применимости п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО к спорным правоотношениям⁶¹.

Еще в одном деле суд оценил как юридически значимую ссылку истца на дату судебного акта, неисполнение которого было поставлено в вину ответчику⁶². Суды также отмечают, что поскольку действия ответчика были совершены до вступления в силу п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, соответствующая норма не подлежит применению⁶³. В вышеуказанном определении СКЭС ВС РФ от 30.01.2020 № 306-ЭС19-18285 было также обращено внимание судов на доводы ответчика

⁵⁸ См.: апелляционные определения Московского городского суда от 24.01.2020 по делу № 33-7810/2020, от 16.12.2019 по делу № 33-56329/2019. См. также: постановления АС Восточно-Сибирского округа от 15.05.2019 по делу № А78-476/2018; АС Московского округа от 08.08.2019 по делу № А40-118477/2018, от 09.07.2019 по делу № А41-80566/2018, от 14.11.2019 по делу № А40-152807/2018; АС Северо-Западного округа от 03.03.2020 по делу № А56-33330/2019.

⁵⁹ Апелляционное определение Московского городского суда от 24.01.2020 по делу № 33-7810/2020. См. также: апелляционное определение Московского городского суда от 16.12.2019 по делу № 33-56329/2019.

⁶⁰ См.: постановления АС Уральского округа от 25.02.2020 по делу № А60-29081/2019; АС Северо-Кавказского округа от 17.12.2018 по делу № А53-5642/2018; АС Северо-Западного округа от 07.10.2019 по делу № А56-43591/2018, от 30.04.2019 по делу № А21-11997/2018.

⁶¹ См.: постановление АС Северо-Западного округа от 14.10.2019 по делу № А05-13104/2018.

⁶² См.: постановление АС Восточно-Сибирского округа от 27.01.2020 по делу № А19-3499/2019.

⁶³ См.: постановления АС Московского округа от 24.06.2019 по делу № А40-230837/2018, от 15.01.2020 по делу № А40-9486/2019, от 28.11.2019 по делу № А40-57100/2019, от 24.04.2019 по делу № А40-204199/2018; АС Северо-Западного округа от 06.08.2019 по делу № А26-4007/2018; АС Северо-Кавказского округа от 05.12.2019 по делу № А53-34957/2018, от 18.06.2019 по делу № А63-6986/2018; АС Центрального округа от 04.09.2019 по делу № А54-7151/2018.

о неприменимости п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО к правоотношениям. Однако свое мнение на этот счет ВС РФ не высказал.

На наш взгляд, вопрос о применимости п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО должен решаться в отношении даты подачи иска. Во-первых, обязанность действовать добросовестно и разумно для органов юридического лица была предусмотрена еще до введения указанной нормы в соответствии со ст. 53.1 ГК РФ. Мы солидарны с одним из судов, который отклонил доводы ответчика о неприменимости п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО к правоотношениям: «...в данном случае, учитывая направленность материально-правового интереса истца, суды исходили из того, что заявленные истцом в настоящем споре требования к ответчику подлежат разрешению на основании правил о возмещении убытков (статьи 15, 1064 ГК РФ)»⁶⁴.

Мы убеждены, что п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО не устанавливает новый вид ответственности (не является нормой материального права), а определяет процессуальный порядок привлечения к субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника, поскольку данная норма не вводит какого-либо дополнительного основания ответственности: запрет на совершение неразумных и недобросовестных действий для контролирурующих лиц был предусмотрен и ранее⁶⁵.

Более того, ранее в отношении ликвидатора и без существования специальной нормы в судебной практике была сформулирована позиция о возможности взыскания с него убытков (постановления Президиума ВАС РФ от 13.10.2011 № 7075/11, от 18.06.2013 № 17044/12). Но разве нельзя сказать, что контролирующее лицо (в первую очередь директор) в ситуации административной ликвидации должника должно нести ответственность по стандарту ликвидатора? Ведь именно директор сам не инициировал процедуру добровольной ликвидации при фактическом прекращении деятельности должником.

Аналогичный подход (в зависимости от даты подачи иска) был воспринят законодателем при внесении изменений в Закон о банкротстве в части возможности рассмотрения такого требования при прекращении производства по делу о банкротстве (ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ).

4. Вопросы исковой давности

Нерешенным остается и вопрос, связанный с исковой давностью, который также обусловлен тем, что однозначно не определена природа требования о привлечении к субсидиарной ответственности по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО. В качестве возможных можно использовать подходы по исковой давности, сложившиеся при рассмотрении дел о взыскании убытков с директора или требований о привлечении к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве, либо обосновать третий подход.

⁶⁴ Постановление АС Уральского округа от 05.12.2019 по делу № А50-37422/2018.

⁶⁵ Очевидно, что если придерживаться позиции, согласно которой субсидиарная ответственность наступает за сам факт исключения должника из ЕГРЮЛ, то такой вид ответственности является новым для нашего права, а соответствующие правила могут применяться только в отношении действий, совершенных после вступления закона в силу.

Согласно п. 62 постановления № 53 сроки на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности являются специальными сроками исковой давности. По общему правилу исковая давность исчисляется в соответствии с действующим на момент совершения правонарушения правовым регулированием (п. 1 ст. 4 ГК РФ). Этот вывод сформулирован в определении ВС РФ от 10.09.2018 № 305-ЭС18-7255 (дело А.О. Майорова)⁶⁶.

Вопросы исковой давности регулировались п. 5 ст. 10 Закона о банкротстве в различных редакциях, а в настоящее время — п. 5 ст. 61.14. Так, п. 5 ст. 10 Закона о банкротстве (в ред. Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ), который действовал до 26.06.2017, было предусмотрено, что заявление о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности может быть подано в течение *одного года* со дня, когда лицо узнало об основаниях ответственности (субъективный срок исковой давности), но не позднее *трех лет* со дня признания должника банкротом (объективный срок исковой давности). В п. 5 ст. 10 Закона о банкротстве (в ред. Федерального закона от 28.12.2016 № 488-ФЗ), который действовал до 29.07.2017, было предусмотрено, что заявление о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности может быть подано в течение трех лет со дня, когда лицо узнало о нарушенном праве, но не позднее трех лет со дня признания должника банкротом. Наконец, п. 5 ст. 61.14 Закона о банкротстве была добавлена еще одна объективная исковая давность, согласно которой заявление о привлечении к субсидиарной ответственности может быть подано не позднее десяти лет со дня, когда имели место действия и (или) бездействие, являющиеся основанием для привлечения к ответственности.

Должна ли для п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО использоваться исковая давность, которая содержится в законодательстве о банкротстве и если да, то какую редакцию необходимо принимать во внимание?

В качестве альтернативы возможно использование подхода к исковой давности и порядка ее исчисления, который сложился для взыскания корпоративных убытков по искам участников корпорации и ее органов. Так, в п. 10 постановления № 62 была сформулирована следующая позиция: «...в случаях, когда соответствующее требование о возмещении убытков предъявлено самим юридическим лицом, срок исковой давности исчисляется не с момента нарушения, а с момента, когда юридическое лицо, например, в лице нового директора, получило реальную возможность узнать о нарушении, либо когда о нарушении узнал или должен был узнать контролирующий участник, имевший возможность прекратить полномочия директора, за исключением случая, когда он был аффилирован с указанным директором»⁶⁷. Аналогичный подход занял ВС РФ в п. 68 постановления № 53.

---

⁶⁶ См. также: определение ВС РФ от 30.09.2019 № 305-ЭС19-10079 (дело И.В. Склярской).

⁶⁷ Здесь следует отметить, что для оспаривания сделок по корпоративным основаниям ВС РФ считает исковую давность по директору, который был на момент заключения сделки (п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»). Аналогичную тенденцию можно обнаружить в представлении Председателя ВС РФ В.М. Лебедева по делу № А40-127011/2018. Ранее по делу «Вильгельмина» СКЭС ВС РФ, напротив, пришла к выводу, что исковую давность необходимо считать по добросовестному директору, см.: определение от 26.08.2016 № 305-ЭС16-3884.

Какие выводы по исковой давности сложились в практике судов применительно к п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО? В одном деле суд в принципе не указал, какие конкретно обстоятельства повлияли на течение исковой давности, но, видимо, интуитивно пришел к выводу о ее пропуске⁶⁸. В других случаях исковая давность по иску к субсидиарному должнику связывается судами с моментом установления невозможности взыскания долга с основного должника — датой внесения в ЕГРЮЛ записи о прекращении деятельности юридического лица⁶⁹. Можно также обнаружить подход о том, что исковая давность начала течь с даты подачи искового заявления в суд к основному (исключенному) должнику⁷⁰ или с даты окончания исполнительного производства в отношении основного должника⁷¹.

На первый взгляд кажется, что исковая давность должна исчисляться с того момента, когда контролирующим лицом были совершены недобросовестные и неразумные действия и о них узнал кредитор. Однако в отличие от участника, у которого изначально есть возможность в той или иной степени контролировать деятельность общества (и в этом смысле могут быть оправданы ограничения по исковой давности знанием директора или датой проведения общего собрания), кредитор соответствующим преимуществом не обладает.

Подобное предположение позволяет выдвинуть гипотезу, что кредитор не может узнать о нарушении своих прав до исключения должника из ЕГРЮЛ. Более того, конструкция п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО в принципе не позволяет предъявить иск до такого исключения. Разве может исковая давность начать течь до возникновения возможности предъявить иск?

В рамках реформирования гражданского законодательства ст. 200 ГК РФ была дополнена нормой, согласно которой исковая давность начинает течь, когда лицо узнало или должно было узнать не только о нарушении своего права, но и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. И уж тем более исковая давность не может начать течь до возникновения права на иск.

В то же время такой подход может продлить исковую давность на неопределенный срок, поскольку исключение должника из ЕГРЮЛ может состояться в любое время, пока существует юридическое лицо. В данном случае право кредитора на предъявление иска о привлечении к субсидиарной ответственности может быть ограничено исполнительными давностью в отношении требования к исключенному из ЕГРЮЛ должнику⁷².

⁶⁸ См.: постановление АС Уральского округа от 23.07.2019 по делу № А60-20369/2018.

⁶⁹ См.: постановление Первого ААС от 09.08.2019 по делу № А43-3157/2019. См. также: постановления Седьмого ААС от 09.01.2019 по делу № А27-8490/2018; Восьмого ААС от 21.02.2020 по делу № А75-15176/2019; Тринадцатого ААС от 16.04.2019 по делу № А26-4007/2018; Двадцатого ААС от 04.06.2019 по делу № А54-7151/2018.

⁷⁰ См.: постановление Девятого ААС от 29.11.2019 по делу № А40-103869/2019.

⁷¹ См.: постановления Пятнадцатого ААС от 20.08.2018 по делу № А53-5642/2018; Семнадцатого ААС от 16.12.2019 по делу № А60-14110/2019, от 05.07.2019 № А60-46752/2018.

⁷² Понятие исполнительной давности см.: *Малюшин А.А., Малюшин К.А.* К вопросу о сроке исполнительной давности в исполнительном производстве // Вестник АС Московского округа. 2017. № 2. С. 58–69; *Егоров А.В.* Давность взыскания пеней и процентов как дополнительных требований: проблемы применения статьи 207 ГК РФ в судебной практике // Вестник ВАС РФ. 2009. № 2. С. 30–67.

Как отмечает АС Уральского округа в своем постановлении от 13.06.2018 по делу № А07-40823/2017, при пропуске срока предъявления исполнительного листа к исполнению кредитор утрачивает право требовать признания должника банкротом на основании судебного акта. Очевидно, что истечение исполнительской давности препятствует и предъявлению иска о привлечении к субсидиарной ответственности.

Однако остается открытым вопрос о самой продолжительности исковой давности, который опять-таки вызван неопределенностью применения к данным правоотношениям Закона о банкротстве: должен ли этот срок черпаться из Закона о банкротстве и из той его редакции, которая действовала на момент вступления в силу п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО? На наш взгляд, ответ на него должен быть сформулирован, исходя из даты совершения контролирующим лицом противоправных действий: если они были совершены в период действия трехгодичной исковой давности, то положения Закона о банкротстве в этой части должны применяться и к п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО.

Применительно к рассматриваемой проблеме интересным является вопрос о соотношении требования к исключенному впоследствии должнику и требования о привлечении к субсидиарной ответственности, который на сегодняшний день также оставлен без внимания. Представим, что у кредитора имеется требование к должнику, которого впоследствии исключили из ЕГРЮЛ, но это требование не подтверждено в судебном порядке. Может ли кредитор претендовать на удовлетворение требования о привлечении к субсидиарной ответственности?

Если мы находимся в парадигме норм банкротного права, то ответ будет отрицательным (п. 31, 52 постановления № 53). Поскольку мы придерживаемся позиции о распространении норм Закона о банкротстве на п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, то и для такой субсидиарной ответственности отсутствие судебного акта (или иного документа, подлежащего принудительному исполнению в силу закона) в отношении исключенного из ЕГРЮЛ должника будет являться препятствием для удовлетворения иска о привлечении к субсидиарной ответственности.

Если должник исключен из ЕГРЮЛ, то предъявление к нему иска догматически невозможно. Более того, для суда было бы крайне затруднительно устанавливать обоснованность требования к исключенному из реестра должнику. Однако не стоит излишне переживать относительно ущемления интересов кредитора. В настоящее время ему предоставлены реальные возможности для предотвращения ликвидации должника. Помимо вышеупомянутого права кредитора на представление возражений относительно исключения должника из ЕГРЮЛ, широко распространена практика установления обеспечительных мер в виде запрета на исключение должника из реестра.

5. Подведомственность и подсудность

Пункт 3.1 ст. 3 Закона об ООО ничего не говорит о том, в каком порядке должны рассматриваться иски о привлечении к субсидиарной ответственности по долгам юридического лица, которое было исключено из ЕГРЮЛ. В связи с этим можно

высказать несколько гипотез о том, как должна применяться данная норма в процессуальном аспекте. Интуитивно хочется прийти к выводу, что такие требования должны рассматриваться арбитражными судами, поскольку ими за многолетний опыт рассмотрения аналогичных требований в делах о банкротстве наработаны различные подходы, позволяющие верно и своевременно разрешать подобные споры. Однако если углубиться в проблему, то оказывается, что обосновать компетенцию арбитражного суда не так просто, как этого бы хотелось.

5.1. Специальная подведомственность требования как связанного с делом о банкротстве

До недавнего времени любое упоминание субсидиарной ответственности применительно к действиям контролирующих лиц отсылало к Закону о банкротстве: эти вопросы предусматривались его ст. 10⁷³, а в настоящее время главой III.2. Связано это с тем, что на тот период только Закон о банкротстве регулировал вопросы привлечения к субсидиарной ответственности. Так и суды при разрешении вопроса о возможности привлечения к субсидиарной ответственности исходили из того, что такое требование может быть предъявлено *«только в случае, если банкротство установлено вступившим в законную силу решением арбитражного суда»*⁷⁴ и *«только в рамках дела о банкротстве»*⁷⁵.

Однако с появлением п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, который предусмотрел возможность привлечения к субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника, осталось неясным, каков надлежащий процессуальный порядок рассмотрения таких требований.

По общему правилу, закрепленному в ч. 2 ст. 27 АПК РФ, подведомственность спора определяется характером заявленных требований и субъектным составом. Указанной нормой также установлено, что требование в отношении физического лица, не имеющего статуса индивидуального предпринимателя, подлежит рассмотрению арбитражным судом только в случаях, прямо перечисленных в законе. Так, к специальной подведомственности арбитражного суда в соответствии с ч. 6 ст. 27 АПК РФ вне зависимости от состава участников относятся споры о несостоятельности (банкротстве).

По прочтении упомянутых процессуальных норм напрашивается вывод, что раз при административной ликвидации дело о банкротстве не возбуждается, а долж-

⁷³ Статья 10 Закона о банкротстве в разных редакциях регулировала как вопросы привлечения к субсидиарной ответственности, так и взыскания убытков.

⁷⁴ Апелляционные определения Красноярского краевого суда от 24.12.2014 по делу № 33-12258/2014, от 18.12.2015 № 4Г-2861/2015; Кировского областного суда от 16.04.2015 по делу № 33-1258/2015; Нижегородского областного суда от 02.06.2015 по делу № 33-5486/2015; Тульского областного суда от 25.06.2015 по делу № 33-1860; Московского городского суда от 30.06.2015 по делу № 33-4002/2015, от 10.02.2016 по делу № 33-1636/2016; Архангельского областного суда от 06.07.2015 по делу № 33-3116/2015; Хабаровского краевого суда от 31.01.2014 по делу № 33-58.

⁷⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 30.06.2015 по делу № 33-4002/2015.

ник ликвидируется по решению налогового органа, то и специальные правила о подведомственности не подлежат применению, а общие правила о компетенции арбитражного суда не могут быть применены, поскольку ответчик (как правило) не имеет статуса индивидуального предпринимателя или по крайней мере наличие такого статуса не связано с выполнением им функций в органах управления должника. В то же время в отношении такого подхода могут быть высказаны возражения.

В настоящее время Законом о банкротстве предусмотрена возможность рассмотрения иска о привлечении к субсидиарной ответственности и вне рамок дела о банкротстве. Такое требование при привлечении к субсидиарной ответственности как за невозможность полного погашения требований кредиторов (п. 3 ст. 61.14), так и за несвоевременную подачу заявления о признании должника банкротом (п. 4 ст. 61.14) может быть рассмотрено после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве.

При этом п. 1 ст. 61.19 Закона о банкротстве прямо предусмотрено, что такие требования рассматривает «арбитражный суд вне рамок дела о банкротстве», причем именно *тот суд*, который рассматривал дело о банкротстве (п. 2, 5 ст. 61.19). На наш взгляд, законодатель при принятии указанных норм исходил из того, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности (даже при отсутствии дела о банкротстве) должно рассматриваться арбитражным судом.

Здесь уместно вспомнить дискуссию, которая велась при принятии изменений в Закон о банкротстве, касающихся возможности возбуждения процедуры банкротства в отношении гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем. Верховный Суд РФ первоначально предлагал отнести данные споры к компетенции судов общей юрисдикции⁷⁶. В конечном итоге был принят закон, относящий все споры о банкротстве к подведомственности арбитражного суда.

Будет весьма сомнительным предположение, что отсутствие в п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО указания на процессуальный порядок рассмотрения требований о привлечении к субсидиарной ответственности является квалифицированным молчанием законодателя⁷⁷, в рамках которого предполагалось применение общих правил о подведомственности и подсудности. Скорее, верно обратное: законодатель стягивает все вопросы, связанные с банкротством и субсидиарной ответственностью, в юрисдикцию арбитражного суда.

---

⁷⁶ См., напр.: Дела о банкротстве физических лиц могут передать арбитражным судам // РБК. 2015. 3 марта. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/03/2015/54f57f3d9a79477b9d917fdd>; На банкротство граждан поработают две ветви судебной системы // Право.ру. 2015. 3 марта. URL: <https://pravo.ru/review/view/116333/>.

⁷⁷ Квалифицированное молчание закона представляет собой особый прием (средство) юридической техники, состоящий в сознательном и целенаправленном нежелании законодателя регулировать ту или иную ситуацию при помощи нормативных предписаний, явно и непосредственно сформулированных в источниках права. См.: Демин А. В. Квалифицированное молчание закона в механизме налогового-правового регулирования // Закон. 2012. № 2. Абз. 23.

Неясность положений п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО порой приводила к странным выводам в судебной практике. Так, в некоторых случаях суды в целом указывали на то, что законом не предусмотрена возможность рассмотрения требования о привлечении к субсидиарной ответственности, если должник исключен из ЕГРЮЛ, а заявитель должен сам нести ответственность за то, что не следил за процессом исключения должника из ЕГРЮЛ⁷⁸.

По другим делам отсутствие специального указания в п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО оценивалось судами как квалифицированное молчание закона. Например, суд, отменяя определение суда первой инстанции, отметил, что ни АПК РФ, ни Закон о банкротстве не регулируют ситуацию, когда требование о привлечении к субсидиарной ответственности подается в отсутствие прекращенного и невозбуждавшегося дела о банкротстве. Поскольку требования «предъявляются к руководителю должника, как физическому лицу, не исполнившему установленную ст. 9 названного Закона обязанность по подаче заявления должника в арбитражный суд, спор подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции»⁷⁹.

Тем не менее текущее законодательное регулирование затрудняет отнесение требования о привлечении к субсидиарной ответственности по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО к подведомственности арбитражного суда по признаку наличия дела о банкротстве несмотря на то, что это бы очень удачно решило вопрос о компетенции арбитражного суда.

Однако такой подход, будучи строго формальным, может привести к случайным результатам: если требование о привлечении к субсидиарной ответственности было заявлено до административной ликвидации, то оно подлежит разрешению арбитражным судом в деле о банкротстве, а если после — судом общей юрисдикции. Кажется, что вопрос о подведомственности не должен решаться по такому непредсказуемому критерию. Впрочем, нельзя сказать, что такой подход чужд нашему процессуальному праву. Например, вопрос о подведомственности требования к индивидуальному предпринимателю будет решаться в зависимости от того, был ли прекращен соответствующий статус до или после подачи иска в суд и его принятия к производству⁸⁰. Налицо такой же случайный критерий.

5.2. Специальная подведомственность требования как связанного с корпоративным спором

Если мы отвергаем теорию об исключительной подведомственности споров по делам о банкротстве в связи с отсутствием последнего, то, может быть, для обоснова-

⁷⁸ См.: постановление Одиннадцатого ААС от 19.12.2018 по делу № А65-22732/2018. Следует отметить, что суд апелляционной инстанции смешал как материально-правовые основания для отказа в иске, так и процессуальные препятствия для рассмотрения данного спора. Постановлением АС Поволжского округа от 22.02.2019 указанный судебный акт был отменен, а дело направлено на новое рассмотрение.

⁷⁹ Апелляционное определение Ивановского областного суда от 21.10.2019 по делу № 33-2899/2019.

⁸⁰ См.: Обзор судебной практики ВС РФ № 1 за 2014 г., утв. Президиумом ВС РФ 24.12.2014; Обзор судебной практики ВС РФ № 2 за 2016 г., утв. Президиумом ВС РФ 06.07.2016.

ния компетенции арбитражного суда при заявлении требования о привлечении к субсидиарной ответственности по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО пригодна концепция исключительной подведомственности корпоративных споров?

Частью 1 ст. 225.1 АПК РФ предусмотрено, что арбитражные суды рассматривают дела по спорам, *связанным с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице*, являющемся коммерческой организацией, в том числе по спорам по искам учредителей, участников, членов юридического лица *о возмещении убытков*, причиненных юридическому лицу.

Основанием требования о привлечении к субсидиарной ответственности, в том числе при административной ликвидации должника, выступает поведение контролирующих лиц, которые ненадлежащим образом исполняли обязанности, связанные с управлением юридическим лицом, и потому должны быть привлечены к субсидиарной ответственности (возместить убытки). По крайней мере, контролирующему лицу вменяется то, что он не провел процедуру ликвидации юридического лица в соответствии с законом. Следовательно, можно предположить, что такой спор по существу относится к категории корпоративных, поскольку связан с управлением юридическим лицом и подлежит рассмотрению арбитражным судом.

Однако иначе смотрит на ст. 225.1 АПК РФ судебная практика. Так, прекращая производство по делу, Верховный суд Республики Татарстан и суд нижестоящей инстанции исходили из того, что требования заявителя «направлены на привлечение к гражданско-правовой ответственности лиц, входивших в состав органов управления юридического лица, в связи с чем данный спор носит корпоративный характер и относится к подведомственности арбитражного суда вне зависимости от его субъектного состава». Тем не менее суд кассационной инстанции отменил принятые по делу судебные акты. Он согласился с тем, что «спор с участием руководителя юридического лица, на котором лежит полная материальная ответственность за прямой действительный ущерб, причиненный организации, которой он руководит, а также споры по искам о привлечении к ответственности лиц, входящих или входивших в состав органов управления юридического лица, по иску этого юридического лица подведомственны арбитражному суду как корпоративный спор». В то же время суд указал, что, поскольку иск предъявлен *«не самим юридическим лицом к лицам, входившим в состав органов его управления, а... кредитором юридического лица»*, дело должен рассматривать суд общей юрисдикции, так как «с прекращением юридического лица прекращаются и функции его учредителей (участников), а также и других лиц, которые имеют право давать обязательные для общества указания»⁸¹.

Схожей логики придерживался Верховный суд Удмуртской Республики, который отметил, что «действующее арбитражное процессуальное законодательство содержит исчерпывающий перечень лиц, которые могут быть привлечены к субсидиарной ответственности при осуществлении процедур, установленных Законом

---

⁸¹ Постановление Президиума ВС Республики Татарстан от 17.04.2019 № 44Г-35/2019. Вопрос подведомственности настолько интересовал кассационный суд данного региона, что за два года он дважды был рассмотрен Президиумом, а, как известно, рассмотрение спора президиумом областного или иного соответствующего суда по существу является большой редкостью. См. также: постановление Президиума ВС Республики Татарстан от 05.12.2018 № 44Г-126/2018.

о банкротстве и только в отношении определенного круга юридических лиц. *Иные споры* о привлечении к субсидиарной ответственности лиц должны разрешаться по правилам процессуального законодательства, исходя из субъектного состава сторон спора»⁸².

В другом деле суд выразился радикально: «...данный спор не является корпоративным, относящимся к подведомственности арбитражного суда». Суд пришел к выводу, что «поскольку заявленный истцом спор связан с привлечением к субсидиарной ответственности лиц, осуществлявших руководство юридическим лицом, при этом сторонами по делу являются физические лица, соответственно, он корпоративным не является и подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции»⁸³. Попробуем разобрать каждый из аргументов судебной практики в отдельности.

5.3. Недостатки подходов судов общей юрисдикции

Влияет ли на оценку спора в качестве корпоративного тот факт, что предъявляется не косвенный иск⁸⁴ в пользу юридического лица, а прямой в пользу кредитора? Пунктом 1 ст. 53.1 ГК РФ предусмотрено, что лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, обязано возместить по требованию юридического лица, его учредителей (участников), выступающих в интересах юридического лица, убытки, причиненные по его вине юридическому лицу. На эту норму имеется отсылка и в п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, но лишь в части указания субъектов ответственности.

Статья 53.1 ГК РФ допускает предъявление иска участниками юридического лица, интерес которых выражается в возврате в имущественную массу юридического лица активов, которые в дальнейшем могут повлиять на размер прибыли участника.

По общему правилу правом выступать от имени юридического лица, в том числе и предъявить иски в его защиту, обладают органы юридического лица. Существует несколько теорий, объясняющих правовую природу взаимоотношения юридического лица и его органов. Одна из них, именуемая органической, предполагает, что орган юридического лица является его частью, продолжением⁸⁵, а вторая утверждает, что отношения между органом (в первую очередь директором) и

⁸² Апелляционное определение ВС Удмуртской Республики от 11.09.2019 по делу № 33-4289/2019.

⁸³ Апелляционное определение Омского областного суда от 18.09.2019 № 33-5988/2019.

⁸⁴ Понятие косвенных исков см.: *Чичакян Р.А.* Косвенные иски: сравнительно-правовой анализ Франции, Италии и России // Вестник гражданского права. 2018. № 5. Абз. 343.

⁸⁵ См.: *Седгарян К.А.* Единичный исполнительный орган хозяйственных обществ по законодательству России и Германии: сравнительно-правовой анализ // Право и экономика. 2019. № 8. Абз. 32. См. также схожее мнение: *Черепяхин Б.Б.* Труды по гражданскому праву. М., 2001. С. 472–473.

юридическим лицом строятся по модели представительства⁸⁶. Сообразно этому в литературе представителем признается также конкурсный управляющий⁸⁷ или ликвидатор⁸⁸.

Во всяком случае, директор действует в интересах юридического лица, и по любому иску, который он предъявляет, присуждение будет осуществляться в пользу юридического лица. Равным образом и участнику предоставляется право на предъявление именно косвенного иска, который предполагает, что требование предъявляется от имени юридического лица и в его пользу, а участник является лишь представителем.

В случае же когда кредитором предъявляется иск о привлечении к субсидиарной ответственности, он подает его от своего имени и в свою пользу. Однако даже при подобном процессуальном положении сторон нельзя исключить, что при предъявлении такого иска между кредитором и должником складываются отношения представительства, что кредитор (так же, как и участник) вправе предъявить иск как представитель должника. Осуществление действий от собственного имени, но за счет другого лица не исключает квалификации отношений как представительства. Так, А.А. Евецкий указывал на существование так называемого посредственного представительства, в рамках которого лицо действует от своего имени, но за счет представляемого⁸⁹. Кроме того, действие кредитора в первую очередь в своем интересе не исключает квалификацию отношений как представительства. Например, В.А. Рясенцев пишет, что «на самом деле интерес представляемого не является неизбежным элементом в составе представительства»⁹⁰.

Таким образом, действие от своего имени и наличие собственного интереса не исключает вывода о том, что кредитор в какой-то части является представителем юридического лица, от имени которого действовал недобросовестный директор. Разница по сравнению с правовым положением участников заключается лишь в том, что пока действия контролирующего лица и имущественное положение

⁸⁶ См.: *Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М.* Представительство: исследование судебной практики. М., 2017. С. 44–62.

⁸⁷ См.: *Чичакян Р.А.* Указ. соч. Абз. 38.

⁸⁸ См.: *Рясенцев В.А.* Представительство и сделки в современном гражданском праве. М., 2006. С. 377–392.

⁸⁹ См.: *Евецкий А.А.* Представительство при заключении юридических сделок. Харьков, 1877. С. 29. Автор тем не менее отмечал, что посредственное представительство «не составляет самостоятельного юридического института». Про существование косвенного (посредственного) представительства см. также: *Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М.* Указ. соч. С. 21–25; *Казанцев Л.Н.* Учение о представительстве в гражданском праве: кандидатское рассуждение // *Временник Демидовского юридического лицея*. Книга 17. Ярославль, 1879. С. 49–67 (автор, впрочем, пришел к выводу, что «название «посредственный представитель» указывает на присутствие представительства, между тем в данном случае его вовсе нет» (Там же. С. 52)); *Гордон А.О.* Представительство в гражданском праве // *Журнал гражданского и уголовного права*: январь, февраль. СПб., 1879. С. 230.

⁹⁰ *Рясенцев В.А.* Указ. соч. С. 383–384. Автор, однако, имеет в виду случаи, когда представитель может действовать и в своем интересе, например «от имени представляемого и по его уполномочию». В то же время далее он пишет, что «для понятия представительства не существенно, в чьем интересе действует представитель. Интерес имеет значение лишь для внутренних отношений представляемого и представителя» (Там же. С. 384).

должника не влияют на положение кредитора, интересом в предъявлении иска об убытках обладают участники. Как только действия органов юридического лица начинают влиять на имущественную сферу кредиторов, центр тяжести смещается с интересов участников на кредиторов.

Против данного рассуждения может быть выдвинут аргумент о том, что с прекращением юридического лица прекращается и представительство. Продолжая этот аргумент, можно заключить, что кредитору попросту не от кого представлять. На наш взгляд, в данном случае необходимо принять во внимание несколько соображений.

Во-первых, ГК РФ на случай ликвидации юридического лица указывает на прекращение доверенности, но не представительства (подп. 4 п. 1 ст. 188 ГК РФ): нормы о прекращении представительства в принципе отсутствуют в нашем праве. Однако данный контрдовод скорее может обосновать упущения ГК РФ, чем сохранение представительства.

Во-вторых, мы помним, что по действующему праву существует возможность предъявления требования о привлечении к субсидиарной ответственности и после завершения процедуры банкротства, т.е. когда должник так же (как и в случае с п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО) исключен из ЕГРЮЛ. Почему правопорядок допускает предъявление такого иска? Наверное, он исходит из того, что прекращение юридического лица состоялось с незавершенными делами, что не все вопросы, прямо или косвенно связанные с должником, получили свое разрешение. Мы полагаем, что для оценки подведомственности спора необходимо мысленно исходить из того, что должник еще не исключен из ЕГРЮЛ, тем самым получая возможность оценить характер отношений между кредитором, должником и контролирующими лицами.

При рассмотрении иска о привлечении к субсидиарной ответственности мы представляем, будто бы присуждение осуществляется в пользу должника, а затем определяем размер взыскания в пользу кредитора. Во всяком случае, оценивая обоснованность требования о привлечении к субсидиарной ответственности, мы не только оцениваем поведение контролирующего лица, но и учитываем размер имущества самого должника, а также наличие иных кредиторов. Поэтому мы не можем утверждать, что отношения между кредитором и контролирующим лицом являются полностью самостоятельными.

А раз мы не исключаем, что кредитор в данном случае является представителем юридического лица, то и при предъявлении иска о привлечении к субсидиарной ответственности не теряется связка «кредитор — должник — контролирующее лицо». Поэтому кажется вполне обоснованным, что иск о привлечении к субсидиарной ответственности, предъявляемый кредитором по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, относится к числу корпоративных споров, ведь если иск о взыскании убытков предъявляется участником по отношению к директору, то его квалификация в качестве корпоративного не вызывает сомнений.

Наиболее четко представительская теория исков кредитора может быть обнаружена в тех случаях, когда он предъявляется в деле о банкротстве. Так, из п. 57 поста-

новления № 53 следует, что заявление о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц подается «*в защиту*» интересов гражданско-правового сообщества, *объединяющего кредиторов должника*»⁹¹. Отметим, что отсутствуют какие-либо существенные различия между требованием о привлечении к субсидиарной ответственности и заявлением о взыскании убытков (рассматриваемых в рамках дела о банкротстве), поскольку суд в зависимости от обстоятельств дела сам выбирает подлежащие применению нормы права (п. 20 постановления № 53). В литературе вообще предлагается отказаться от института субсидиарной ответственности в пользу деликтного иска⁹². Поддержку нашего тезиса о смещении центра интересов можно обнаружить и в литературе: «...тем самым деликт, совершенный против юридического лица, после прекращения данного юридического лица трансформируется в деликт против его кредиторов»⁹³.

Таким образом, несмотря на то что кредитор действует от своего имени и предъявляет иск о взыскании в свою пользу, на наш взгляд, можно утверждать, что такой спор является корпоративным, поскольку основывается на неисполнении директором или иным контролирующим лицом своих обязанностей как органа юридического лица, а кредитор выступает лишь представителем должника. Пока деятельность юридического лица влияет в большей степени на интересы участников, именно они наделяются правом контролировать деятельность органов юридического лица.

Как только интерес кредиторов нарушается настолько, что юридическое лицо попадает в состояние объективного банкротства (и тем более ликвидируется в административном порядке), центр интересов, а следовательно, и право на предъявление иска смещается с участников должника на его кредиторов. Какие-либо сомнения в корпоративности спора могли бы быть развеяны, если бы такие иски рассматривались по модели требования о привлечении к субсидиарной ответственности при прекращении дела о банкротстве (об этом см. ниже).

Следует признать сомнительным и вывод судов о том, что прекращение юридического лица и, как следствие, его функций влияет на квалификацию спора в качестве корпоративного. При таком подходе мы должны были отрицать корпоративный характер спора, вытекающего из требования к бывшему директору, который прекратил осуществление функций единоличного исполнительного органа.

Рассмотрим теперь выводы ВС Удмуртской Республики. Напомним, что в данном деле суд обосновал компетенцию суда общей юрисдикции тем, что в законе исчерпывающим образом указан перечень исков о привлечении к субсидиарной ответственности, которые рассматриваются арбитражным судом. Другие иски о

---

⁹¹ Это логика выдерживается и в иных положениях разъяснений ВС РФ, см.: абз. 3 п. 7, абз. 2 п. 16, п. 18, п. 23, п. 56, п. 59, п. 68 постановления № 53.

⁹² *Егоров А.В., Усачева К.А.* Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова. С. 35–51.

⁹³ Там же. С. 45. Авторы также указывают, что «возможностью заявления требования о привлечении к субсидиарной ответственности (взыскании убытков в деле о банкротстве) законодатель создал новый вид косвенных исков» (Там же. С. 56).

привлечении к субсидиарной ответственности, по мнению суда, должны рассматриваться судом общей юрисдикции.

Между тем никаких других исков о привлечении к субсидиарной ответственности не существует. Все подобные требования представляют собой один тип иска — о привлечении к субсидиарной ответственности, осуществляемого в различных процессуальных формах. Как и привычное требование о привлечении к субсидиарной ответственности, предъявляемое в деле о банкротстве, так и аналогичное требование, заявленное при прекращении производства по делу о банкротстве, а также при административной ликвидации должника проистекает из того, что должник находится в состоянии объективного банкротства и не может погасить требования кредиторов. При ликвидации должника он, несмотря на то что его правоспособность прекращается, может рассматриваться как банкрот с экономической точки зрения, поскольку стоимость его имущества равна нулю, а требования кредиторов остались непогашенными.

Безусловно, является спорным утверждение, что несуществующего субъекта права можно назвать банкротом или находящимся в банкротстве. Мы здесь хотели лишь подчеркнуть, что во всех описанных случаях существовали требования кредиторов, не погашенные из-за недостаточности имущества должника, которая, в свою очередь, была вызвана недобросовестными или неразумными действиями контролирующих его лиц.

Иными словами, сущность требования о привлечении к субсидиарной ответственности не меняется вне зависимости от того, рассматривается ли оно в деле о банкротстве, после его прекращения или в его отсутствие — при административной ликвидации. И в этом смысле можно высказать упрек законодателю, который создал у участников гражданского оборота иллюзию, что в п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО появился новый вид субсидиарной ответственности. В поддержку изложенного тезиса можно привести и следующие рассуждения.

Банкротство представляет собой принудительную ликвидацию юридического лица, а закон наделяет кредиторов возможностью предъявить требование о привлечении к субсидиарной ответственности и после завершения процедуры банкротства, которое рассматривается арбитражным судом. Почему тогда аналогичное требование, предъявленное после завершения административной ликвидации, осуществленной вне контроля арбитражного управляющего, кредиторов и суда, должно рассматриваться судом общей юрисдикции?⁹⁴

Неубедительно выглядят и доводы Омского областного суда, который обосновал компетенцию суда общей юрисдикции тем, что полномочиями выступать от имени юридического лица обладают «физические лица», видимо, не имеющие статуса индивидуального предпринимателя. Однако субъектный состав спора в данном случае не имеет значения. Напротив, исключительная подведомственность (которая потому и называется исключительной) корпоративных споров применяется вне зависимости от субъектного состава. Административная ликвидация должни-

94

В данном случае необходимо отметить, что завершение процедуры конкурсного производства влечет за собой и исключение сведений о должнике из ЕГРЮЛ (п. 3 ст. 149 Закона о банкротстве).

ка ничего нового в эти отношения не привносит, поскольку и до ее осуществления контролирующие лица являлись «физическими» и не имели статуса индивидуального предпринимателя⁹⁵.

В другом деле суд, отстаивая компетенцию суда общей юрисдикции, отметил, что «предметом данного спора является взыскание суммы долга в порядке субсидиарной ответственности с руководителя должника, требования, связанные с созданием, реорганизацией и ликвидацией юридического лица, истцом не заявлялись»⁹⁶. В действительности всё с точностью до наоборот: взыскание суммы долга в порядке субсидиарной ответственности с руководителя должника непосредственно связано с ликвидацией должника, осуществленной в нарушение процедуры, предусмотренной ГК РФ.

5.4. Общий комментарий по вопросам подведомственности

По неизвестным причинам суды общей юрисдикции настолько сильно хотят рассматривать такие споры, что в ряде случаев констатируют свою компетенцию, не опираясь на какую-либо аргументацию: «...таким образом, ответчиком в споре является физическое лицо, все выводы суда о наличии экономического спора в данном случае несостоятельны, потому судебное постановление не может быть признано законным, так как спор подведомственным является суду общей юрисдикции»⁹⁷.

Выше мы проанализировали те судебные акты, где вопрос о подведомственности выносился на обсуждение суда. Однако в большинстве случаев суды без всяких сомнений рассматривают дела по существу, не обсуждая вопрос о своей компетенции.

Что интересно, так поступают и арбитражные суды, и суды общей юрисдикции. В СПС «КонсультантПлюс» по состоянию на 15.04.2020 со ссылкой на п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО арбитражными судами округов рассмотрено 94 дела, а судами общей юрисдикции областного уровня — 105 дел. Даже в делах, рассмотренных вновь созданными кассационными судами общей юрисдикции, не обсуждаются вопросы подведомственности⁹⁸.

---

⁹⁵ В соответствии со ст. 42 Закона об ООО возможно в качестве единоличного исполнительного органа назначить управляющего. Однако как в этом случае, так и тогда, когда директором является обычное физическое лицо, требование, основанное на п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО и вытекающее из его ненадлежащего поведения, носит корпоративный характер.

⁹⁶ Апелляционное определение Ивановского областного суда от 21.10.2019 по делу № 33-2899/2019.

⁹⁷ Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 29.03.2018 по делу № 33-3613/2018.

⁹⁸ См.: определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2019 № 88-3264/2019, от 11.12.2019 № 88-2153/2019; Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.12.2019 № 88-1483/2019, от 20.11.2019 по делу № 88-604/2019; Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28.01.2020 по делу № 88-394/2020, от 13.01.2020 № 88-967/2020 по делу № 2-788/2019, от 27.12.2019 № 88-3169/2019, от 18.12.2019 по делу № 88-1645/2019, от 25.11.2019 по делу № 88-573/2019, от 25.11.2019 по делу № 88-355/2019; Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2019 № 88-205/2019; Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2019 № 88-928/2019; Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.01.2020 № 88-352/2020, от 10.12.2019 № 88-321/2019.

В качестве исключения можно привести дело, рассмотренное АС Московского округа⁹⁹. В нем суд пришел к выводу, что «требования основаны на нормах закона, регулирующих ответственность единоличного исполнительного органа, предъявлены к учредителям», а следовательно, по мнению суда, спор подведомствен арбитражному суду, «учитывая, что спор носит экономический характер, поскольку в данном случае требования истца как контрагента исключенного из ЕГРЮЛ юридического лица в рамках имеющихся требований по обязательствам такой организации к ее бывшим учредителям представляют собой требования к лицу, чьими действиями и поведением объективируются права и обязанности самого юридического лица».

Стоит отметить, что суд, по сути, пересказывает норму АПК РФ, посвященную подведомственности корпоративных споров, но не ссылается на нее, обосновывая подведомственность экономическим характером спора. Однако характер спора сам по себе, в отсутствие специального субъектного состава, не свидетельствует о наличии компетенции арбитражного суда, что делает аргументацию суда неубедительной, но не отменяет верности судебного акта по существу.

Но разве такое возможно, чтобы одно и то же материально-правовое требование было подведомственно различным судам? Процессуальным кодексам широко известен институт процессуальной подсудности (ст. 29 ГПК РФ, ст. 36 АПК РФ), а с альтернативной подведомственностью все обстоит несколько иначе. При применении правил об альтернативной подведомственности «заинтересованное в разрешении спора лицо вправе обратиться по своему усмотрению в любой орган, названный в законе»¹⁰⁰. При этом имеется в виду, что выбор может быть сделан либо в пользу суда, либо в пользу внесудебного юрисдикционного органа¹⁰¹. Однако далее авторы пишут, что возможна ситуация альтернативной подведомственности между арбитражным судом и судом общей юрисдикции в силу «неоднозначности толкования в отдельных случаях судами общей юрисдикции и арбитражными судами законодательства»¹⁰².

В то же время в учебнике по гражданскому процессу рассмотрена ситуация видимой альтернативной подведомственности. Авторы ссылаются на ст. 11 ГК РФ, которая говорит о возможности лица обратиться за защитой своего права в суд, арбитражный суд или третейский суд. Далее В.В. Ярков и Ю.К. Осипов справедливо отмечают, что «в данном случае никакого права выбора у истца не имеется, а орган судебной власти, уполномоченный на разрешение спора, определяется в силу

⁹⁹ См.: постановление АС Московского округа от 20.08.2019 по делу № А40-82223/2019.

¹⁰⁰ Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Абз. 859 (авторы § 1 главы 2 — В.В. Ярков, И.Н. Тарасов). Определение альтернативной подведомственности см. также: Карелина С.А., Фролов И.В. Банкротство застройщика: теория и практика правоприменения: монография. М., 2018. Абз. 862.

¹⁰¹ В рамках КоАП РФ существует альтернативная подведомственность между двумя внесудебными юрисдикционными органами, см.: Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Часть вторая / под общ. ред. Л.В. Чистяковой. М., 2019. Т. 2. Абз. 446, 447 (авторы комментария к ст. 23.2 — М.Б. Добробаба, С.Е. Чаннов).

¹⁰² Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. Абз. 860 (авторы § 1 главы 2 — В.В. Ярков, И.Н. Тарасов).

бланкетного характера данной нормы в соответствии с установленными процессуальным законом правилами подведомственности»¹⁰³.

Видится, что последняя точка зрения является более верной в том смысле, что распределение компетенции между судами и арбитражными судами безальтернативно. Неоднозначное толкование процессуальных кодексов об определении подведомственности свидетельствует не о существовании института альтернативной подведомственности, а о возможном различном толковании процессуальных норм, которое должно быть устранено в правоприменительной практике или путем внесения изменений в закон.

При альтернативном подходе в процессуальных кодексах должно было быть сформулировано правило о том, что при неясности компетенции между судами право выбора арбитражного суда или суда общей юрисдикции принадлежит истцу. Однако в реальной жизни риск неясности процессуальных норм несет заявитель, которому может быть отказано в принятии иска к производству. Другое дело, что, когда из-за судебной ошибки может возникнуть вопрос о нарушении права лица на судебную защиту, допускается рассмотрение дела судом, к подведомственности которого оно не относится. Таким образом, на наш взгляд, по вопросу о подведомственности требования о привлечении к субсидиарной ответственности должен существовать единственный подход о компетенции арбитражного суда или суда общей юрисдикции.

И в этом смысле в пользу компетенции арбитражного суда по спорам о привлечении к субсидиарной ответственности можно привести довод чисто практического свойства. На сегодняшний день единственным делом, рассмотренным высшим судом по вопросу применения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, является дело № А65-27181/2018 (определение СКЭС ВС РФ от 30.01.2020 № 306-ЭС19-18285).

Как видно из текста определения, дело рассматривалось арбитражными судами. Если бы Верховный Суд РФ счел, что оно относится к компетенции суда общей юрисдикции, то он, безусловно, не стал бы рассматривать его по существу, а указал бы нижестоящим судам на необходимость прекращения производства по делу или передачи его в соответствующий суд общей юрисдикции.

5.5. Вопросы подсудности

Из разграничения компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции косвенно вытекает и вопрос о подсудности. Если исходить из той точки зрения, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности подведомственно суду общей юрисдикции, так как ответчиками по нему являются

---

¹⁰³ Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / отв. ред. В.В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Абз. 1355 (авторы § 1 главы 7 — В.В. Ярков, Ю.К. Осипов). Авторы также ссылаются на аналогичную позицию, выраженную в п. 1 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 18.08.1992 № 12/12 «О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам».

ся физические лица, а само юридическое лицо ликвидировано, то логично предположить, что подсудность будет определяться по месту жительства физических лиц. Однако и здесь можно обнаружить оригинальные подходы судов. Например, в одном из дел суд отметил, что поскольку требование, которое ранее было предъявлено к ликвидированному юридическому лицу, вытекало из защиты прав потребителя, то требование о привлечении к субсидиарной ответственности является производным от него и может быть рассмотрено судом по правилам подсудности по месту жительства истца, в том числе с учетом того, что истец ссылается на Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹⁰⁴.

Безусловно, что в соответствии с ч. 7 ст. 29 ГПК РФ иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены также в суд по месту жительства истца. Но ответчиков (контролирующих лиц) и истца не связывают какие-либо договорные отношения, а именно отношения, вытекающие из договора, и подлежат регулированию законодательством о защите прав потребителей.

Однако, во-первых, ссылка лица на тот или иной нормативный правовой акт не является основанием для определения подсудности. Это произвольный критерий, который позволяет манипулировать подсудностью в зависимости от закона, на который имеется ссылка в исковом заявлении. Подсудность должна определяться исходя из существа правоотношений, квалифицировать которые должен суд при принятии искового заявления к производству.

Во-вторых, производный характер требования как основание для расширения принципа подсудности по месту жительства истца не основан на законе и не учитывает, что существуют требования процессуального законодательства, подразумевающие рассмотрение дела по месту нахождения ответчика. При таком толковании нужно прийти к выводу, что, например, дело о банкротстве, возбуждаемое на основании требования, вытекающего из защиты прав потребителей, также должно рассматриваться (1) судом общей юрисдикции (2) по месту нахождения истца. Очевидно, что это не так.

Конечно, требование истца о привлечении к субсидиарной ответственности является в некотором смысле производным от иска, ранее рассмотренного в рамках спора о защите прав потребителей. Но это не означает, что за всеми дальнейшими спорами закрепляется территориальная подсудность по месту жительства истца.

Если же в плане подведомственности придерживаться идеи о компетенции арбитражного суда, то и подсудность должна определяться по месту нахождения юридического лица, которое было исключено из реестра. В отношении требований о привлечении к субсидиарной ответственности, заявляемых в случае прекращения дела о банкротстве, существует прямое указание закона. Пунктами 2, 5 ст. 61.19 Закона о банкротстве установлено, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности рассматривает суд, который разбирает дело о банкротстве. Последний, в свою очередь, определяется местом нахождения юридического лица,

104

См.: апелляционное определение суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 14.10.2019 по делу № 33-2820/2019.

в отношении которого рассматривалось дело о банкротстве (ч. 4 ст. 38 АПК РФ, п. 1 ст. 33 Закона о банкротстве)¹⁰⁵.

Такое правило обосновывается тем, что местом нахождения юридического лица обуславливается центр его жизненных интересов: там находятся его работники, имущество, документация. И в этом смысле очевидно, что рассмотрение дела судом по месту нахождения должника по умолчанию будет удобно для всех или большинства лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Подобное обоснование в полной мере применимо и к требованию о привлечении к субсидиарной ответственности в отношении ликвидированного юридического лица. При его рассмотрении будут исследоваться регистрационное дело должника в налоговом органе, финансовая и налоговая отчетность, имущественное состояние должника до его ликвидации. Отметим также, что и по корпоративным спорам законом предусмотрена исключительная подсудность суда по месту нахождения юридического лица. И в судебной практике можно обнаружить вывод о том, что требования, основанные на п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, являются корпоративными и должны рассматриваться по месту нахождения юридического лица¹⁰⁶.

Завершая исследование процессуальных вопросов, обратим внимание на еще один судебный акт, в котором суд пришел к выводу о необходимости соблюдения обязательного претензионного порядка при предъявлении требования о привлечении к субсидиарной ответственности. Суд отверг доводы истца о том, что данный спор является корпоративным и что, как следствие, законом не предусмотрен обязательный досудебный порядок рассмотрения такого вида споров¹⁰⁷.

Не останавливаясь на ошибочной квалификации такого спора как некорпоративного, следует отметить, что во всяком случае требование о привлечении к субсидиарной ответственности не отягощено претензионным порядком. Так, ч. 5 ст. 4 АПК РФ предусмотрено, что «гражданско-правовые споры о взыскании денежных

---

¹⁰⁵ Интересен вопрос о подсудности таких исков в ситуации, когда адрес исключенного должника был признан недостоверным (что в случаях административной ликвидации случается часто). См. мнение по разрешению вопроса: *Лантев В.А.* Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М., 2019. Абз. 4381. Автор монографии полагает, что «дело подлежит передаче на рассмотрение по подсудности в арбитражный суд по действительному, а не формально закрепленному в ЕГРЮЛ адресу корпорации». Какой адрес в таком случае признавать достоверным: тот, что был в ЕГРЮЛ до признания текущего недостоверным? Совсем необязательно, что тот предыдущий адрес являлся достоверным. При таком подходе также возникает сложность в установлении предыдущего адреса, поскольку в выписке из ЕГРЮЛ имеется только последний адрес, хоть и признанный недостоверным. Этот адрес может быть установлен только посредством направления судебного запроса, что сказывается на сроке рассмотрения дела. Для решения этой проблемы также целесообразно учитывать практику в отношении формальной регистрации гражданина по месту жительства. Суды при определенных обстоятельствах не учитывают адрес, указанный в паспорте. См.: п. 13 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019), утв. Президиумом ВС РФ 17.07.2019.

¹⁰⁶ См.: п. 7 Рекомендаций Научно-консультативного совета при АС Уральского округа «Применение Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (по итогам заседания, состоявшегося 11–12 апреля 2019 г. в г. Екатеринбурге).

¹⁰⁷ См.: постановление АС Восточно-Сибирского округа от 24.06.2019 по делу № А69-288/2019.

средств по *требованиям, возникшим из договоров, других сделок, вследствие неосновательного обогащения*, могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию... *Иные споры*, возникающие из гражданских правоотношений, передаются на разрешение арбитражного суда после соблюдения досудебного порядка урегулирования спора *только в том случае, если* такой порядок установлен федеральным законом или договором». Но ведь кредитора и контролирующее лицо не связывают ни договорные, ни кондикционные отношения. Как было отмечено выше, ответственность директоров является деликтной, т.е. внедоговорной. Таким образом, вывод суда о необходимости соблюдения обязательного претензионного порядка основан на ошибочном понимании ч. 5 ст. 4 АПК РФ.

5.6. Рассмотрение иска о привлечении к субсидиарной ответственности по правилам о группе лиц

Быть может, самым интересным и принципиальным процессуальным вопросом для такого рода исков является возможность рассмотрения требования по правилам группового производства (концентрация требований всех кредиторов в одном процессе). Пункт 3.1 ст. 3 Закона об ООО ничего не говорит о процессуальном порядке рассмотрения данного требования, и это является серьезным упущением закона.

Должен ли кредитор, инициирующий рассмотрение дела на основании п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, уведомлять и приглашать иных кредиторов для участия в деле, и сохранится ли у другого кредитора право на предъявление иска, если требование о привлечении к субсидиарной ответственности уже было рассмотрено по иску другого кредитора?

Если требование о привлечении к субсидиарной ответственности предъявляется в деле о банкротстве, то этому предшествует включение кредиторов в реестр. Кредиторы, включившиеся в реестр, презюмируются претендующими на исполнение требования о привлечении к субсидиарной ответственности в свою пользу, поскольку ее величина определяется как разность совокупного размера требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам и размера погашенных требований (п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Иными словами, в деле о банкротстве каждый кредитор имеет реальную возможность предъявить свои требования о включении в реестр и, как следствие, претендовать на исполнение требования о привлечении к субсидиарной ответственности в свою пользу.

Что происходит, когда требование о привлечении к субсидиарной ответственности предъявляется при прекращении производства по делу о банкротстве? Кредитор в соответствии с п. 4 ст. 61.19 Закона о банкротстве должен предложить всем заинтересованным лицам присоединиться к рассмотрению требования о привлечении к субсидиарной ответственности. Причем кредитор, не сообщивший суду инфор-

мацию о кредиторах, присоединившихся к его требованию, несет перед ними ответственность в виде возмещения убытков (ст. 1064 ГК РФ)¹⁰⁸. Этими положениями обуславливается правило о том, что производство по поданному заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности подлежит прекращению, если аналогичное заявление по тому же основанию и к тому же лицу было рассмотрено в деле о банкротстве (п. 3 ст. 61.19 Закона о банкротстве).

На наш взгляд, аналогичное регулирование абсолютно необходимо и при привлечении к субсидиарной ответственности по п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО. Представим себе, что уже рассмотрен спор о привлечении к субсидиарной ответственности по иску одного кредитора, а второй кредитор также имеет аналогичное требование. Но в таком случае у кредитора, первым получившего исполнительный документ в свою пользу, появится преимущество в получении исполнения за счет имущества контролирующего лица, что вряд ли обоснованно, поскольку требования обоих кредиторов вытекают из совершения контролирующим лицом одних и тех же действий.

Можно выдвинуть и более серьезные соображения. Если настаивать на концепции раздельного рассмотрения требований каждого из кредиторов, то размер вредоносных действий контролирующего лица будет сопоставляться исключительно с требованием одного кредитора. В результате такой кредитор может получить признание в гораздо большем размере, чем если бы его требование оценивалось наравне с притязаниями иных кредиторов.

Учитывая изложенное и отстаивая идею о том, что п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО является частным процессуальным основанием для рассмотрения требования о привлечении к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве, мы полагаем, что по аналогии должны применяться правила о рассмотрении иска по правилам группового производства.

В отношении этого аргумента может быть выдвинуто возражение о том, что, когда предъявляется требование о привлечении к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве, суд предварительно констатирует факт несостоятельности должника. В данном случае мы полагаем, что правом на присоединение к требованию о привлечении к субсидиарной ответственности будут обладать лишь те кредиторы, требования которых были подтверждены до ликвидации должника.

Более того, рассмотрение дела по правилам о группе лиц подтверждает выдвинутую нами идею о том, что между кредитором и должником складываются отношения представительства, поскольку в этом случае требования всех кредиторов стягиваются в один процесс и предварительно ставится вопрос о совокупном размере субсидиарной ответственности и, как следствие, о размере присуждения, а уже затем из этой эвентуальной имущественной массы должника присуждение осуществляется в пользу конкретного кредитора или нескольких кредиторов.

---

¹⁰⁸

См.: п. 55 постановления № 53.

***

Столь большое количество проблемных вопросов и противоречий, связанных с п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, обусловлено, на наш взгляд, его неверным положением в системе законодательства. Поскольку этот пункт предусмотрен нормами корпоративного права, создается впечатление, что он является специальной разновидностью требования о привлечении к субсидиарной ответственности в материально-правовом смысле. Возможно, что многие проблемы были бы разрешены, если бы соответствующая норма была размещена в Законе о банкротстве.

В то же время нельзя не отметить, что по крайней мере в одном аспекте ответственность, предусмотренная п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, отличается от субсидиарной ответственности по Закону о банкротстве. Так, п. 3 ст. 61.15 Закона о банкротстве установлено, что привлеченное к субсидиарной ответственности лицо имеет право обратного требования (регресса) к должнику по делу о банкротстве в размере выплаченной суммы. Очевидно, что в случае с п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО (даже если бы и существовало специальное указание закона) такое регрессное требование предъявить будет просто некому, так как должник исключен из ЕГРЮЛ.

Вместе с тем можно предположить, что регулирование, предусмотренное п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, является избыточным. Ведь что мешает кредитору инициировать процедуру банкротства в отношении должника и в рамках данного дела заявить требование о взыскании убытков / привлечении к субсидиарной ответственности? Дело в том, что в настоящее время существуют ограничения по виду и размеру долга, который позволяет поставить вопрос о возбуждении процедуры банкротства. Если представить, что такие ограничения будут отменены, то у кредитора появится реальная возможность предъявить требование о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве. И тогда, думается, доводы судов о том, что кредитор сам не направил возражения относительно исключения юридического лица из ЕГРЮЛ, как исключающие возможность удовлетворения иска о привлечении к субсидиарной ответственности будут обоснованными. Однако пока для кредитора существуют препятствия в эффективной защите своих прав в рамках дела о банкротстве, существование п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО следует признать оправданным.

Мыслимо также, что возможное притязание на привлечение к субсидиарной ответственности в отношении контролирующих лиц должника, исключенного из ЕГРЮЛ в административном порядке, должно осуществляться лишь путем восстановления такого лица в реестре и последующего предъявления иска в общем порядке, предусмотренном Законом о банкротстве. В этом случае целесообразно установить пресекательный срок, в течение которого кредитор вправе требовать восстановления должника в реестре, а спорные положения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО также окажутся лишними для отечественного правопорядка.

Уже после подготовки текста настоящей статьи Верховным Судом РФ было рассмотрено еще одно дело, касающееся применения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, — дело «Минаев Е.И. против «МКК ОТС-Кредит» (определение ВС РФ от 25.08.2020 № 307-ЭС20-180).

С одной стороны, в нем ВС РФ подтвердил позицию о том, что само по себе исключение должника из ЕГРЮЛ не влечет возложение субсидиарной ответственности. С другой стороны, некоторые выводы Суда вызывают возражения и могут внести еще бóльшую неопределенность в понимании п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО.

Продолжая свой аргумент о том, что исключения должника из ЕГРЮЛ недостаточно, ВС РФ указывает, что «судом первой инстанции не исследовались вопросы заключения с обществом (поставщик)¹⁰⁹ контракта по результатам электронного аукциона и исполнения сторонами указанного контракта (поставка товара и его оплата покупателем); не проверялось участие общества в других аукционах, заключение и исполнение им иных контрактов». На наш взгляд, такая посылка ВС РФ ведет к неверному пути: перечисленные им обстоятельства, по-видимому, никак не связаны с установлением причин доведения до банкротства, об установлении которых мы говорили выше. Какое имеет значение, исполнял ли впоследствии исключенный должник обязательства по контракту и заключались ли им иные контракты?

Возможно, высший суд имел в виду, что если исключенный должник, получив денежные средства по целевому займу, не использовал их для исполнения контракта, то подобное поведение и представляет собой неразумные или недобросовестные действия. Если это так, то ВС РФ следовало прямо на это указать. В то же время неиспользование денежных средств в соответствии с целью их предоставления еще не говорит о наличии противоправных действий для целей субсидиарной ответственности. Так, согласно п. 2 ст. 814 ГК РФ нецелевое использование заемных средств предоставляет кредитору возможность потребовать досрочного возврата предоставленного займа. Вместе с тем для оценки поведения контролирурующих лиц необходимо выяснить дальнейшую судьбу предоставленных по договору займа денежных средств.

Далее Верховный Суд РФ, ссылаясь на «принципы ограниченной ответственности и защиты делового решения» (п. 1 постановления № 53), также пишет, что основания для привлечения к субсидиарной ответственности не только должны опираться на действия контролирующих лиц, но и не могут презюмироваться. Но такой подход в принципе закрывает возможность применения п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, поскольку очень маловероятно, что кредитор будет обладать информацией об имущественном положении должника и его динамике¹¹⁰. А с учетом предложенного ВС РФ распределения бремени доказывания ответчик вряд ли будет заинтересован в предоставлении соответствующих документов.

В данном деле суды нижестоящих инстанций, удовлетворяя иск о привлечении к субсидиарной ответственности, также ссылались на положения Закона о банкротстве, которые регламентируют обязанность контролирующих лиц обратиться с заявлением о признании должника банкротом. ВС РФ с данным подходом не согласился. Сам по себе подход высшего суда является верным в том смысле, что

¹⁰⁹ Имеется в виду исключенное впоследствии юридическое лицо, контролирующее лицо которого привлечалось к субсидиарной ответственности.

¹¹⁰ Во всяком случае, при таком подходе суды должны оказывать активное содействие истцу в истребовании доказательств. Иначе совершенно очевидно, что контролирующие лица будут избегать субсидиарной ответственности.

субсидиарная ответственность за несвоевременное обращение в суд с заявлением о банкротстве не имеет отношения к п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО.

Однако ВС РФ пишет, что суд апелляционной инстанции «необоснованно применил к спорным правоотношениям положения Закона о банкротстве», т.е. не только положения ст. 61.12 Закона о банкротстве, но и все нормы, посвященные субсидиарной ответственности. Можно было бы предположить, что это лишь редакционная неточность. Однако далее ВС РФ убеждает в обратном: он рассуждает о том, что, поскольку в отношении должника процедура банкротства не возбуждалась, то и оснований для применения ст. 61.11–61.13 Закона о банкротстве не имеется¹¹¹. Не приведет ли это к тому, что суды в принципе откажутся применять Закон о банкротстве к п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО?¹¹² Это было бы контрпродуктивно и нивелировало бы все те подходы, которые сложились в отношении норм о субсидиарной ответственности в рамках Закона о банкротстве.

В то же время остался без внимания ВС РФ вопрос о временных пределах действия п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО. Напомним, что в первом кейсе (определение от 30.01.2020 № 306-ЭС19-18285) ВС РФ указывал, что «судами не исследовались и не оценивались доводы ответчиков о применении при рассмотрении настоящего спора норм права, не подлежащих применению, мотивированные тем, что спорные правоотношения сторон возникли до вступления в силу положений пункта 3.1 статьи 3 Закона № 14-ФЗ».

Выше мы попытались обосновать, что указанные нормы вступили в силу 28.06.2017. Из обсуждаемого определения (дело «Минаев Е.И. против «МКК ОТС-Кредит»») можно установить, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности вытекало из договора займа от 28.09.2016, задолженность по которому была взыскана решением АС г. Москвы от 23.03.2017. Раз задолженность была взыскана в судебном порядке, то, по-видимому, на дату вынесения решения обязанность возратить заем уже наступила. Почему в этом случае ВС РФ не обсуждает проблему временных пределов действия закона?

Напомним, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности в деле «Хабибуллина М.Р. против «Юнайт-Девелопмент» было основано на решении АС Республики Татарстан от 29.08.2017. В указанном деле истец ссылался на неисполнение должником обязательств по договору аренды от 23.11.2016 и рассчитал задолженность по состоянию на 19.06.2017. В первом деле ВС РФ, видимо, обсуждал проблему временных пределов действия закона, как раз исходя из того, что задолженность исключенного лица перед кредитором возникла до вступления закона в силу, поскольку была основана на правоотношениях, возникших до этой даты.

Почему тогда во втором деле эта проблема не обсуждается? Примечательно, что оба судебных акта вынесены в составе председательствующего судьи Е.Н. Золотовой и при участии судьи А.Н. Маненкова, так что непоследовательность ВС РФ

¹¹¹ Данный вывод сформулирован не прямо, но, по-видимому, это и подразумевал ВС РФ.

¹¹² Примечательно, что ВС РФ ссылается на постановление № 53, которое разъясняет положения Закона о банкротстве. Если, по мнению ВС РФ, сам Закон о банкротстве не подлежит применению, то могут ли учитываться релевантные разъяснения?

еще больше удивляет¹¹³. К сожалению, принятые ВС РФ судебные акты, на наш взгляд, не способствуют правильному пониманию п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО.

За время подготовки статьи Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ рассмотрела как минимум одно дело по исследуемой нами проблеме (определение от 16.02.2021 № 12-КГ20-9-К6). Не оценивая принятые решения и выводы, мы тем не менее полагаем необходимым вновь обратить внимание на вопрос подведомственности. Получается, что обе коллегии считают себя правомочными рассматривать данные споры, так как ими были вынесены судебные акты по существу: они не ставили вопрос о необходимости прекращения производства по делу или его передачи в другой суд.

Дальнейшее развитие эта проблематика может получить благодаря делу, которое было принято к рассмотрению Конституционным Судом РФ по жалобе Г.В Карпук¹¹⁴.

The Secondary Liability in Case of Debtor's Administrative Liquidation: Dissecting the Legal Institute

Federal Law No. 488-FZ dated December 28, 2016 supplemented art. 3 of the Federal Law 'On Limited Liability Companies' with a norm (clause 3.1) which provides that persons and organisations that control a company that has been struck off from the companies registry due to its inactivity could be held responsible to the unpaid creditors of such a company (secondary liability).

The norm is so concise that it leaves unanswered many questions: from the procedural (jurisdiction of such claims) to substantive (the effect of the law in time, the legal composition of subsidiary liability, limitation) ones. It is also unclear what is the relationship of this subsidiary liability with a similar institution in the Law on bankruptcy. The author makes an attempt to investigate this norm based on judicial practice and suggests how various problems could be resolved.

Keywords: secondary liability, administrative liquidation

Stanislav Sobolev

Trial Lawyer at Moscow Bar Association, LLM Candidate at the Alexeev Research Centre of Private Law under the President of the Russian Federation, Teacher-Researcher (Ural State Law University) (e-mail: stanislavsobolev01@gmail.com).

References

- Baibak V.V. Loss of Chance as a Type of Damages [*Utrata blagopriyatnoy vozmozhnosti (loss of a chance) kak raznovidnost dogovornykh ubytkov*]. The Herald of the Economic Justice of the Russian Federation [*Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*]. 2015. No. 5. P. 63–73.
- Cherepakhin B.B. Works on Civil Law [*Trudy po grazhdanskomu pravu*]. Moscow, Statut, 2001. 480 p.
- Chichakyan R.A. Derivative Actions in France, Italy and The Russian Federation: A Comparative Analysis [*Kosvennyye iski: sravnitelno-pravovoi analiz Frantsii, Italii i Rossii*]. Civil Law Review [*Vestnik grazhdanskogo prava*]. 2018. No. 5. P. 7–49.
- Chistyakova L.V., ed. Article-by-article Commentary to the Administrative Offenses Code of the Russian Federation. Part Two. Vol. 2 [Postateynyy kommentariy k Kodeksu RF ob administrativnykh pravonarusheniyakh. Chast vtoraya. T. 2]. Moscow, Grossmedia Rosbukh, 2019. 1044 p.

---

¹¹³ В данном случае не имеет значения, что стороны не ссылались на вопросы действия закона во времени. В отличие от исковой давности, вопрос о применимости конкретной нормы права должен разрешаться судом вне зависимости от наличия соответствующих доводов лиц, участвующих в деле.

¹¹⁴ См.: КС РФ определит границы субсидиарной ответственности учредителей недействующих компаний // Федресурс. 2021. 10 марта. URL: <https://fedresurs.ru/news/f328ad2b-b0d8-4a1d-b4d2-593d69b794ca>.

- Demin A.V. Qualified Silence of Law in the Mechanism of Tax and Legal Regulation [*Kvalifitsirovannoe molchanie zakona v mekhanizme nalogovo-pravovogo regulirovaniya*]. Statute [Zakon]. 2012. No. 2. P. 129–138.
- Egorov A.V. The Limitation Period of Interest and Fine as Additional Requirements: Problems of the Application of Article 207 of the Civil Code of the Russian Federation in Judicial Practice [Davnost vzyskaniya peney i protsentov kak dopolnitelnykh trebovaniy: problemy primeneniya stat'i 207 GK RF v sudebnoi praktike]. The Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation Vestnik [Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii]. 2009. No. 2. P. 30–67.
- Egorov A.V., Papchenkova E.A., Shirvindt, A.M. Representation: A Study of Court Practice [Predstavitel'stvo: issledovanie sudebnoi praktiki]. Moscow, ITsChP, 2016. 383 p.
- Egorov A.V., Usacheva K.A. Subsidiary Liability in Bankruptcy as a Poor Equivalent to the Western Doctrine of Piercing the Corporate Veil [Subsidiarnaya otvetstvennost' za dovedenie do bankrotstva — neudachnyi ekvivalent zapadnoi doktriny snyatiya korporativnogo pokrova]. The Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation [Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii]. 2013. No. 12. P. 6–61.
- Egorov A.V., Usacheva K.A. The Doctrine of 'Piercing Corporate Veil' as a Tool for Distributing Risks between Participants of the Corporation and Other Economic Actors [Doktrina 'snyatiya korporativnogo pokrova' kak instrument raspredeleniya riskov mezhdru uchastnikami korporatsii i inymi sub'ektami oborota]. Civil Law Review [Vestnik grazhdanskogo prava]. 2014. No. 1. P. 31–73.
- Evetskiy A.A. Agency at the Conclusion of Legal Transactions [Predstavitel'stvo pri zaklyuchenii yuridicheskikh sdelok]. Kharkiv, Universitetskaya biblioteka, 1877. 62 p.
- Gordon A. Agency in Civil Law [Predstavitel'stvo v grazhdanskom prave]. Journal of Civil and Criminal Law [Zhurnal grazhdanskogo i ugovolnogo prava]. 1879. Book 1. P. 234–243.
- Karapetov A.G., ed. Law of Contracts and Obligations (General Part): Article-by-Article Commentary to Articles 307–453 of the Civil Code of Russian Federation [Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshaya chast'): postateinyi kommentarij k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii]. Moscow, Statut, 2017. 1120 p.
- Karelina S.A., Frolov I.V. Bankruptcy of a Developer: Theory and Practice of Law Enforcement [Bankrotstvo zastroyshchika: teoriya i praktika pravoprimereniya]. Moscow, Yustitsinform, 2018. 240 p.
- Kazantsev L.N. The Doctrine of Representation in Civil Law: PhD Discourse [Uchenie o predstavitel'stve v grazhdanskom prave: kandidatskoe rassuzhdenie]. Yaroslavl, Vremennik demidovskogo yuridicheskogo litseya, 1879. 123 p.
- Kozlova N.V. The Concept and the Essence of a Legal Entity. Essay on History and Theory: A Textbook [Ponyatie i suschnost' yuridicheskogo litsa. Ocherk istorii i teorii: ucheb. posobie]. Moscow, Statut, 2003. 318 p.
- Laptev V.A. The Corporate Law: Legal Organisation of Corporate Systems: A Monograph [Korporativnoe pravo: pravovaya organizatsiya korporativnykh sistem: monografiya]. Moscow, Prospekt, 2019. 384 p.
- Malyushin A.A., Malyushin K.A. To the Question of Executive Length in Executory Process [K voprosu o sroke ispolnitelnoy davnosti v ispolnitelnom proizvodstve]. The Herald of the Moscow District Arbitrazh Court [Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga]. 2017. No. 2. P. 58–69.
- Meyer D.J. Russian Civil Law. Part 1 [Russkoe grazhdanskoe pravo. Chast' 1]. Moscow, Statut, 1997. 290 p.
- Mikhailov V.S. Theories of Causation and Establishing the Limits of Liability [Teorii prichinno-sledstvennoy svyazi i ustanovlenie predelov otvetstvennosti]. Civil Law Review [Vestnik grazhdanskogo prava]. 2019. No. 4. P. 82–144.
- Mikhailov V.S. Concept of Factual Causation and Several Issues of Its Practical Application [Kontseptsiya fakticheskoy prichinnoy svyazi i nekotorye problemy ee primeneniya]. Civil Law Review [Vestnik grazhdanskogo prava]. 2018. No. 3. P. 103–161.
- Pokrovskiy I.A. Key Problems of Civil Law [Osnovnye problemy grazhdanskogo prava]. Moscow, Statut, 2001. 351 p.
- Ryasentsev V.A. Representation and Deals in Modern Civil Law [Predstavitel'stvo i sdelki v sovremennom grazhdanskom prave]. Moscow, Statut, 2006. 602 p.
- Sedgaryan K.A. The Sole Executive Body of Business Entities under the Laws of Russia and Germany: Comparative-Legal Analysis [Edinolichnyi ispolnitelnyi organ khozyaystvennykh obschestv po zakonodatelstvu Rossii i Germanii: sravnitelno-pravovoy analiz]. Law and Economics [Pravo i ekonomika]. 2019. No. 8. P. 48–53.
- Shirvindt A.M., ed. Experiences of Civil Law Studies: Collection of Articles [Opyty tsivilisticheskogo issledovaniya: sb. st.]. Moscow, Statut, 2019. 376 p.
- Sobolev S.I. Conflict of Rules on the Sequence of Fulfillment of Obligations in favor of Several Creditors and the Way of Conflict Resolution [Kolliziya pravil ob ocherednosti ispolneniya obyazatelstv dolzhnikom v polzu neskol'kikh kreditorov i sposoby ee razresheniya]. Statute [Zakon]. 2020. No. 6. P. 45–63.
- Stepanov D.I., Mikhailchuk Yu.S. Case Law on Director's Liability to the Corporation for the Damages Caused [Otvetstvennost' direktora pered korporatsiei za prichinennyye ei ubytki v sudebnoi praktike]. Moscow, Statut, 2018. 207 p.
- Tololaeva N.V. Passive Joint and Several Obligations: The Russian Approach and the Continental European Tradition: A PhD Thesis in Law [Passivnye solidarnyye obyazatelstva: rossiiskiy podkhod i kontinentalno-evropeiskaya traditsiya: dis. ... kand. yurid. nauk]. Moscow, 2017. 174 p.
- Yarkov V.V., ed. Arbitrazh Procedure: A Coursebook [Arbitrazhnyi protsess: uchebnik]. 4th ed., rev. and supp. Moscow, Infotropic Media, 2010. 848 p.
- Yarkov V.V., ed. Civil Procedure: A Coursebook for University Students [Grazhdanskiy protsess: uchebnik dlya studentov vysshikh yuridicheskikh uchebnykh zavedeniy]. 10th ed. Moscow, Statut, 2017. 702 p.